

Ф Р И Д Р И Х
Незнанский

ИНТЕРВЬЮ
ПОД ПРИЦЕЛОМ

**МАРШ
ЧУРЕЦКОГО**

Новый роман

РОССИЯ
ТЕЛЕКАНАЛ

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Интервью под прицелом

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Интервью под прицелом / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

Сочи... От самого этого слова веет беззаботностью и весельем. Но жестокая реальность зачастую не совпадает с мечтами и фантазиями. Во время служебной командировки в сочинском отеле гибнет глава российского Олимпийского комитета. Расследование трагедии поручено оперативно-следственной группе Александра Борисовича Турецкого. В ходе проводимых мероприятий выясняется, что это не единственная смерть, связанная со злоупотреблениями в руководстве российского спорта. Преступники изобретательны, осторожны, жестоки и стараются не оставлять свидетелей...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
1	9
2	18
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Весна в столице в этом году выдалась ранняя. К полудню веселое солнце растапливало слежавшиеся к концу февраля сугробы – и днем по новостройкам невозможно стало пройти, не замочив ног.

В центре Москвы вовсю суеились дворники, ломами и лопатами очищая забитые зимним мусором водостоки, гудели уборочные машины, но до грандиозных окраин, где ночами отсыпался многомиллионный город, руки у высшей власти не доходили. А муниципалы тихо делили небольшие местные бюджеты, забыв про собственные обещания до следующих выборов.

Вечером подмораживало, и тротуары превращались в каток. Рабочий люд, падая и кроя все на свете, пробирался к своим подъездам, чтобы утром снова скользить обратно – к остановкам троллейбусов и маршруток.

Особенно несладко приходилось пенсионерам, у которых тоже находились дела в ранние утренние часы.

Вот бабуля в облезлом пальто торопится в небольшую аптеку, открывшуюся в восемь. Учреждение ютится в цокольном этаже типового жилого муравейника. Четыре обледеневших ступеньки вниз. На дверях объявление: «Осторожно – скользко!» Забота о людях, что приятно. Хотя повесить его много проще, чем скалывать лед.

Ветхая старушка не в силах ни прочитать это объявление, ни удержаться на непослушных, изъеденных трофическими язвами ногах. Она скользит по ступеням, отчаянно хватаясь за перила. Ее подхватывает, не давая упасть, мужчина, спускающийся следом.

Старушка бормочет слова благодарности и пристраивается в длинный хвост перед окошком с надписью «Социальный отдел». Здесь обещаны скидки для пенсионеров, инвалидов и прочих социально незащищенных слоев населения. Скидки небольшие, всего лишь до пяти процентов, однако сама иллюзия дешевизны регулярно собирает тут очередь. В этом же окошке выдают и бесплатные лекарства – те, что строго по льготным рецептам. Но их все время не хватает.

Казалось бы, у медицинских чиновников есть все сведения о состоящих на учете льготниках – диабетиках и других хронических больных, которые имеют право на бесплатное лекарственное обеспечение, на те препараты, которые считаются жизненно важными. Достаточно просто заказать необходимое количество лекарств, но каждый раз оказывается, что медикаментов, заказанных на определенную сумму, поступает гораздо меньше. Кто-то объясняет это скоростью инфляции, а кто-то говорит, что дело в значительных «откатах» чиновникам. Якобы закупки делаются дороже и у строго определенных фирм. В итоге тот, кто «заказывает музыку», получает приличную сумму денег – за выбор поставщика, а больные люди и их родственники вынуждены бегать от аптеки к аптеке, стоять в очередях, унижаться – лишь для того, чтобы получить то, что гарантировано им законом.

Очередь перед социальным окошком: пенсионеры, ветераны, инвалиды – скорбная горстка людей, готовых потратить свой лишний час, чтобы сэкономить пару рублей. Провизор ушел, видимо, надолго. Очередь не двигается вовсе. Две тетki в бесформенных шапках-самовязках, из-под которых выбиваются кудряшки перманента, обсуждают свои болезни, кому из них хуже.

– Мне этот андипал уже не помогает. Просила своего врача что-нибудь по сильнее прописать. А то даже «скорую» пришлось вызывать, давление прыгает, таблетки пью, а оно зашкаливает – двести двадцать на сто семьдесят уже.

– Да брешешь! – отвечает ей товарка. – С таким давлением тебе с кровати не встать, как ты до аптеки дошла-то?

– А со мной зять вчера таблетками поделился – забыла, как называются, их еще по телевизору рекламируют. Вот пришла узнать, – может, есть тут.

– Зять, что ли, по телевизору показывали?

– От дура глухая! Я говорю – лекарство!

– Ну это вряд ли. Если по телевизору рекламируют, значит, дорогое.

– Да хоть и дорогое, лишь бы действовало...

– Так пусть зять тебе и покупает.

– От него дождешься, как же! Все самой приходится, все самой.

– Угу, и как подопытный кролик – все на себе пробуешь, что поможет, а что – нет.

– Точно. Вот я брала на днях верошпирон своему свекру, а толку – пшик!

– Это что?

– Мочегонное, камни у него.

– Ну-у-у, камни... Это оперировать надо.

– Да ему за семьдесят, его уже и оперировать не берут. Так боюсь, сляжет – и так все на мне, и за ним еще, лежачим, ходить.

Девушка, вторая в очереди, нервно поглядывая на часы, говорит в растерянности:

– Я ребенка одного дома оставила, у меня тестовые полоски закончились, муж на работе, пришлось выскочить, и вот застряла.

– Чего с ребенком-то? – вступает с ней в разговор дедок.

– Диабет... – вздыхает девушка. – Мало того что инсулин постоянно требуется, дочка маленькая, не может пока определить свое состояние и регулировать, всегда неожиданно плохо становится, уже два раза из комы вытаскивали, все время сами ей сахар меряем, а бесплатных полосок дают мало, и кончаются они быстро...

Дедок тоже вздыхает и начинает жаловаться, что список льготных лекарств все сокращается: то, что ему нужно, в социальном отделе нету, а в обычном стоит просто бешеных денег. И вроде бы вчера кто-то видел нужные ему капли – в круглосуточной аптеке на Весенней улице, но он туда с утра уже наведалься, а там, оказывается, еще вечером все закончилось, пришлось пешком сюда тащиться. Пешком, потому как бесплатный проезд отменили и на трамвай-троллейбусы теперь не напасешься.

– Но москвичам же проезд бесплатный, – вмешивается в его жалобный монолог одна из теток.

– Так я в области прописан, сейчас вот у сына живу, только сын уехавши, еле-еле перебиваюсь.

– Да ладно, для Подмосковья тоже льготы оставили, – возражает ему тетка.

– Так это надо съездить по месту жительства – оформить все, никак не соберусь.

Разговор прерывается, потому что продавец-фармацевт вернулась на свое рабочее место и открыла окошечко. Первый в очереди начинает заученно зачитывать список требуемых лекарств:

– Актовегин, гентамицин, кофетамин, тавегил...

– Последний только по рецептам, а на первые два льготы отменены.

– Это как? – ахает покупатель. – Неделю назад же брали.

– Так теперь префектуры устанавливают список дотационных препаратов, а также и льготников, одного рецепта недостаточно, ишь привыкли на всем бесплатном.

Вся очередь напряженно прислушивается к разговору, люди теснятся у окошечка, наперебой выкрикивают название необходимых им лекарств:

– Клозапин! Тривентол! Пентоксифиллин!

Большая часть требуемых препаратов отсутствует, аналоги, которые предлагает фармацевт, идут совсем не по льготным расценкам. Назревает истерика. Чтобы ее прекратить, провизор прикрикивает:

– Все вопросы в порядке очереди!

Пятью минутами раньше спасенная на ступенях аптеки бабуля, кряхтя, повернулась и поковыляла к скользкому выходу. Сэкономить тут не удалось, раз льготы на актовегин отменили. А у нее денег в обрез. И что теперь делать – непонятно: солкосерил отчего-то не помогает, хоть и говорят, что аналог. Пока сестра жива была – присылала из Волгограда раствор бишофита. Вот он помогал. А теперь ей и помочь некому.

– Устал, Шурик? – Ирина Генриховна сочувственно посмотрела на квелого мужа.

– Не знаю, – ответил Александр Борисович и поежился. – Неважно чувствую себя как-то. Жена коснулась губами его лба:

– Холодный. Может, пониженная даже. Не знобит?

– Есть маленько.

– После ужина ложись сразу. Под одеялом согреешься. Я тебе сейчас горячего чая сделаю. Да и время позднее. Нельзя же столько работать. Хоть сегодня выпишись, отдохни...

– В гробу отдохну, – мрачно бросил Турецкий.

Ирина хмыкнула:

– Все мы так... – И миролюбиво поинтересовалась: – Много дел навалилось?

Муж только кивнул со вздохом.

– Что же это в стране творится? – Ирина Генриховна помрачнела. – Раньше хоть как-то выкраивал время для семьи. А теперь скоро и ночевать в своей прокуратуре станешь. С ума народ посходил, что ли? Преступление за преступлением. Вон только сегодня по телевизору видела: прямо перед камерой зарезали ветерана какого-то.

– Как это – перед камерой? – не понял Турецкий, привычно пропуская мимо ушей каждодневные попреки в занятости.

– Ты не видел? Все каналы только это и крутят. А начал «сплетник» наш. Московский народный. У них передача есть, когда ловят на улице прохожего и начинают вопросы задавать. Глас будто бы. Так сегодня они ветерана какого-то выбрали и стали про войну спрашивать. Ко Дню Победы стараются...

Ирина Генриховна перевела дух. Старший помощник генерального прокурора смотрел на нее чуть исподлобья, но крайне заинтересованно.

– Так вот. Про войну он рассказывать не стал, а начал говорить о том, как у старых и больных людей отняли лекарства при недавней монетизации льгот. О том, что не хватает их, поддельные встречаются и вообще. Он там какую-то свою ветеранскую комиссию организовал и провел расследование. Только стал виновных называть – вдруг рукою за сердце схватился...

– И что? – не понял муж. – Эх, Фроловская, и где же тут преступление? Приступ обычный.

– А ты не перебивай. – Ирина скорчила шутливо-обиженную мину. – Тогда все узнаешь. То-то и оно, что не сердце. Ножом его сзади ударили.

– Ого! На глазах у всей Москвы? – не поверил Александр Борисович.

– Именно. В «Новостях» так и сказали: «Убили во время прямого эфира». Потом «скорых» понаехало, милиции.

– Почему – потом? А кто же преступника задерживал?

– В том-то и дело, что никто.

– Сам сдался? – Турецкий все еще не понимал.

– Не поймали.

Муж присвистнул:

– Скрылся? А толку-то? На всю страну почти засветился.

– Опять не то. Его и на экране не было видно.

– Невидимка, что ли? Быть такого не может!

– А ты возьми и сам посмотри. – Ирина Генриховна обиделась всерьез. – Сейчас без трех. В десять опять новости будут.

Она протянула мужу пульт.

Экран замерцал, и Александр Борисович увидел скопище «скорых» и милицейских машин, бессмысленное мельтешение большого количества людей в форме и без.

«Да уж, – подумал он. – В такой толпе...»

Но на всякий случай продолжал профессионально рассматривать мелькающих в кадре персонажей, позабыв даже о надвигавшемся недуге.

В это время и зазвонил телефон.

1

Бык попался неудачный, скучный какой-то. Лениво мотал башкой, будто от мух отмахивался, не реагировал ни на красную тряпку, ни на безграмотное подобие «вероники», ни на довольно болезненные тычки ножом или удары хлыста.

Это был самый обычный бычок-двухлетка, к бойцовым породам не имеющий никакого отношения, деревенский обыватель, вытащенный сегодня утром из родного стойла, погруженный в фургон и доставленный на белоснежный пляж Коста-Бланки. Новый хозяин быка, выкупивший его у прежних хозяев, разочарованный безучастностью животного, достал из ножен старинный андалузский стилет и зло ткнул быка в левый бок.

Бык обиженно замычал и уныло замотал головой. Драки не получалось. Его мучитель – новоявленный тореро – раздраженно сплюнул и выматерился. Светло-золотистый песок обогрился первой бычьей кровью, но это было больше похоже на бойню, чем на рискованное приключение под палящим южным солнцем.

Коста-Бланка – «Белый берег», который ласкают волны Средиземного моря. Местечко, похожее на рай. Городок Коста-дель-Соль – самый юг испанского побережья. Край цветущего миндаля и розовых фламинго, пальмы соседствуют с сосновыми лесами, песчаные дюны декорируются отвесными скалами. Такова и бухта, где происходит нелепая по своей жестокости коррида.

Залив идеально правильной полуокружности со скалистыми выступами, обрамляющими его по краям. Легкий морской бриз. Солнечные отблески на небе, море, белый песок-ракушечник. У причала замерли яхты и гидроциклы. За пляжем виднеется рощица апельсиновых и лимонных деревьев в цвету, за ней – небольшой городок. Всего лишь полтора десятка белоснежных двухэтажных вилл в мавританском стиле – чугунная ажурность балконов и оград. Верхние этажи вилл – открытые площадки-солярии, вокруг домов – просторные цветущие сады.

На веранде прибрежного ресторана расположилась компания молодых людей, жителей этого городка. Они лениво наблюдают за малоартистичной корридой. Девушки в простых белых платьях и мужчины – в светлых майках и шортах. Кроме них в ресторане нет других посетителей, впрочем, пустует и частный пляж.

Компания наблюдает за развитием событий на берегу. Мучитель быка – их приятель. Его темные длинные волосы убраны в аккуратный хвост, на подбородке безупречная трехдневная щетина, глаза прикрывают узкие солнцезащитные очки. Он дразнит животное красной тряпкой, которая еще пять минут назад числилась скатертью на одном из ресторанных столиков.

Мужчины улюлюкают, подзадоривая быка, и вяло аплодируют удачным, на их взгляд, выпадам тореро. Девушки повизгивают, а временами брезгливо морщатся.

Неожиданно одна из них встает и отправляется к «арене действий»:

– Гера, а давай его искупаем!..

«Герой» корриды, которому уже наскучило истязать безответное животное на берегу, с радостью хватается за новый вариант мучений, он кричит девушке:

– Веревку с яхты притащи!

Девушка танцующей походкой поднимается на белоснежную яхту под названием «Adventure» и, словно лассо, кидает Герману веревку. В следующую минуту петля оказывается на шее раненого быка, и вот уже его с хохотом затаскивают в воду:

– Даешь водное поло! Даешь морское родео!

Герман, забравшийся в море, прямо в костюме пытается привязать быка к красному водному скутеру, а девушке приходит очень интересная идея – оседлать несчастное животное и покататься на нем по бухте.

Но ей никак не удастся забраться на его спину, бык отчаянно брыкается.

В это время Герман уже завел мотор гидроцикла, и, вторя его звуку, жалобно замычал бык, задыхающийся от душившей его веревки.

Все кончилось довольно быстро – бык просто захлебнулся в морской воде раньше, чем любитель острых развлечений, хозяин пляжа, а также прибрежного городка и яхты с романтическим названием «Приключение», успел сделать хотя бы один круг.

– Вот мерзость-то! – сказала одна из девушек, наблюдающих за этой сценой с веранды ресторана.

– Ты чего? Бычка пожалела? Так у него все равно судьба одна – шашлык или стейки.

– Да какого черта мне его жалеть! – огрызнулась девица. – Вот пляж весь загадили кровью и дерьмом, и воду тоже. Какая радость рядом с этой дохлятиной купаться?

– А ладно... Не бойсь, сейчас Григорию скажем – он все со своими людьми уберет и бычка нам в лучшем виде – на вертеле запечет. – Это ей ответил уже вышедший из воды Герман, настроение которого заметно улучшилось в связи с гибелью животного. В руке он держит отрезанное бычье ухо, которое галантно предлагает девице в качестве утешительного приза.

Словно услышав его слова, из ресторана на веранду вышел его хозяин – югослав Григорий, согласно закивал:

– Конечно, уберем и зажарим. В лучшем виде, не сомневайтесь! – и захохотал оглушительно.

Одна из девушек лениво тыкает вилкой в тарелку с овощным салатом, другая томно обсасывает гигантскую клешню омара. Молодые люди пьют виски со льдом и изредка бросают взгляды в сторону кухни, где бычок на вертеле приобретает все более соблазнительный аромат – жара углей, молодого мяса и специй.

Темнеет стремительно, теплая южная ночь начинается практически внезапно. Сотрудница ресторана выносит на веранду масляные светильники-фонарики, кувшины вина и лед – для следующих порций виски.

Разговор не клеится.

– Уж полночь близится, а Германа все нет, – торжественно декламирует один из мужчин. Девушки оживляются:

– Да, кстати, а где же Гера. Ушел переодеться и пропал на весь вечер.

– Да Гера опять в казино закатился...

Раздается дружный смех, видимо, посещения Германом местных казино стали уже притчей во языцех.

– Нет, в казино его не пустили, потому что решил он отправиться в самый центр города и опять забыл купить галстук. Он его пытался купить у швейцара, но тот сказал, что родиной не торгует.

– Ладно, наврал с три короба, а теперь помолчи. Когда это я без галстука выезжал?!

Рассказчик вздрогнул от неожиданности, поперхнулся виски, начал откашливаться, а вся компания развернулась и уставилась на незаметно подошедшего Германа.

Он подкрался тихо и незаметно – с кошачьей грацией. Кожаные сандалии на босых ногах, короткие шорты, но поверх них шикарный светлый пиджак и строгий песочного цвета галстук:

– Ну что! Готов наш бычара?

– О, Гера! Где пропадал? А бычок уже цветет и пахнет, ожидая нашей компании и пару кувшинов риохи.

– Тьфу-ты, кислятину такую пить! – сморщилась черноволосая девица, принимавшая участие в сегодняшнем «морском родео». И капризно протянула. – Хочу-у– амонтильядо.

– Да хоть бочку! – довольно кивнул Герман. – Надо новую сделку обмыть.

– Что за сделка? На «городок в табакерке» покупателя нашел?

«Городком в табакерке» компания называла небольшое поселение – десяток шале и дюплексов – неподалеку от Коста-дель-Соль в горах, владельцами которых они являлись по доверенности и все искали выгодных арендаторов или покупателей.

– С этой ерундой сами возитесь, у меня другие интересы! – ухмыльнулся Герман и четким жестом указал в сторону моря.

Словно повинувшись этому жесту, на посадку в бухту заходил небольшой спортивный самолет, эффектно освещаемый лучами заходящего солнца.

– Ого-го! – закричала компания. – Ну ты даешь!

Девушки выскочили из-за стола и, восторженно вереща, бросились разглядывать-ощупывать новенькое приобретение Германа, а заодно кокетничать и зубоскалить с летчиком из рода местных мачо.

Анастасия поднялась сегодня рано. Снились ей вещи неприятные. Отряхиваясь от липкой паутины сна, прошла в ванную комнату, где долго плескала холодной водой себе в лицо, бормотала, рассказывая утекающей воде о своих кошмарах. Это ее бабушка так приучила – рассказать бегущей воде плохой сон, чтобы он ушел, утек с водой, не сбылся бы и забылся навсегда...

Правда, бабушка рассказывала свои сны стремительной ледяной речке Теберда, на берегах которой прожила почти всю жизнь – с тридцать восьмого, когда ее, потомка боковой ветви древнего княжеского рода, коммунисты сослали из «города Ленина» на Кавказ сразу после окончания университета – без права возвращения в Ленинград или Москву.

Баба Дуся была всю жизнь им благодарна. За то, что дали выучиться, несмотря на происхождение, по какому-то недосмотру, видимо. За то, что не арестовали, как почти всех родственников. За то, что выслали на юг, а не в Архангельскую область, к примеру.

Биолог по образованию, она прижилась в этом краю, сдружилась с карачаевцами, стала одним из организаторов заповедника задолго до того времени, когда были построены многочисленные корпуса первого туберкулезного санатория.

А потом, когда появились гостиницы, турбазы, туристы понаехали, бабуля, сторонясь шумной толпы, поселилась в небольшом домике прямо на территории заповедника, став его хранителем и смотрителем.

И уже никуда не захотела уезжать. Ее мужа, командира одной из частей, с которым она познакомилась еще в войну, перевели в Москву в середине пятидесятых. Он обещал, что добьется пересмотра ее дела. Но она просила его не рисковать карьерой, а обеспечить в столице достойное будущее их дочери, которая потом стала Настинной мамой. Так и прожили они с мужем остаток дней порознь.

Бабушка всегда мечтала посмотреть на город своей юности, но так в Ленинград и не выбралась. Не сложилось.

Зато Настя приезжала к ней на каникулы каждое лето вплоть до бабушкиной смерти. Они вместе поднимались альпийскими лугами заповедной тропой к метеорологической станции почти на двухкилометровую высоту. И бабушка по пути показывала ей травы и цветы, рассказывая, как они применяются при лечении разных болезней.

Наверное, еще тогда, в детстве, Настя выбрала свою жизненную стезю. И, окончив школу, отправилась учиться в Ленинградскую химико-фармацевтическую академию. Хотелось заодно и посмотреть на «бабушкин город». Но после выпуска девушка сразу же вернулась в родную Москву. Северная столица ей не понравилась. Слишком холодной, чопорной, медлительной показалась. В Москве радостней жить. Да и возможностей больше...

И пусть теперь, спустя много лет, перед ней был не горный ручеек, а обыкновенный водопроводный кран в современной квартире, Анастасия верила, что вода унесет все дурное.

Но ощущение липкой паутины не исчезало, Анастасия заткнула сливное отверстие ванны пробкой, насыпала на дно ароматической соли и на полную мощность вывернула оба крана. Пока вода набиралась, женщина прошла на кухню: тонкий свист кофемолки, щелчок чайника, аромат свежемолотого кофе – успокаивающие привычные мелочи, подтверждающие реальность весеннего утра.

Тостер выплюнул из своих недр подсушенные теплые и румяные хлебцы. Кофе поднялся в джезве пышной шапкой. Розового мрамора ванна уже наполнилось ароматной горячей водой.

Собрав завтрак на небольшой поднос, Анастасия отправилась в ванную. Джакузи она включать не стала, хотелось побыть в тишине.

Но кофе не взбудрил ее, а горячая ванна с природной морской солью из Нанта (ей привозили настоящую соль с французского побережья, московскими расфасовками она брезговала – по объяснимым причинам), наоборот, Анастасию разморила, и она задремала. Ей приснился прежний кошмар.

Снилось ей, что она снова работает в институте микробиологии и испытывает новые лекарственные препараты на подопытных крысах. И белые крысы, участницы эксперимента, вырастают прямо на глазах – до размеров кроликов и даже больше, при этом становятся крайне агрессивными, прокусывают ей халат и перчатки. В этом сне у Анастасии нет помощников, она вынуждена делать все сама: эксперимент засекреченный, довериться некому, и расчеты, и смешивание химикатов, и уход за лабораторными животными – все на ней. И вот она должна сделать очередной укол гигантской крысе, которая уже доросла до крупной собаки, а та вырывается, не дается, опасно скалит острые зубы и, наконец, вцепляется в ее руку со шприцем.

Анастасия кричит во сне, выдирает окровавленную руку из пасти мутанта, свободной рукой хватается за швабру – и бьет, бьет животное, зло и отчаянно. Но главный кошмар еще впереди.

Забив ирреальную крысу до смерти, женщина обнаруживает, что это и не животное вовсе, а ее собственный сын. Она снова кричит – и просыпается, так же как и ночью, от собственного хриплого крика.

Проснувшись и сообразив, что ей снова приснился кошмар, Анастасия сначала не может понять – почему она уснула не в спальне, с трудом узнает собственную ванную, вздыхает облегченно и включает холодную воду. Что за глупость, будто ей поможет горячая ванна, ледяной душ – вот что ей сейчас необходимо.

Через четверть часа, завернувшись в махровую гигантскую простыню, Анастасия пьет свой остывший кофе уже на кухне. Кошмар утонул в ванне, теперь она собирается с духом, чтобы позвонить сыну. Закурив, она берет за телефон, слушает длинные гудки, напрягается – что-то случилось, – но в конце концов слышит на той стороне провода заспанный родной голос:

– Аллоу...

– Але, сыночка, ты как?!

– Мать, ну ты даешь, на часы посмотри, с ума сошла – в такую рань звонить. У тебя стряслось что-то?

– Да нет, ничего...

– Ну и нечего тогда звонить, – заявляет невежливый сынок и дает отбой.

– Вот паршивец! Как с матерью разговаривает, – уже сама себе говорит Анастасия, но «паршивец» в ее устах звучит ласково и даже влюбленно. Главное, что сын жив-здоров, теперь можно забыть ужасный сон и заняться делами, а дел накопилось немало, причем довольно срочных.

Анастасия снова берет за телефон:

– Доброго утречка, Афанасий Леонидович!

Ее собеседник узнает голос и недоуменно переспрашивает:

– Что так официально, Настенька? Случилось чего?

– Да назрели некоторые проблемки, и встретиться бы нам не помешало. Поговаривают тут, что ко мне ревизия какая-то хочет наведаться, добрый дружок сообщил – обсудить с тобой надобно.

– Неужели опять ревизия? Зачастили что-то.

– Вот ты и побеспокоился бы, Фонечка.

– Ладно, не переживай – побеспокоюсь. Приезжай. На секундочку. Все обсудим...

Елисея Тимофеевича Голобродского тоже мучили кошмары сегодняшней ночью. Довольно часто в последнее время ему снилась война. Прибавив себе пару лет в военкомате, он пошел воевать добровольцем в пятнадцать и прошел войну до самых стен Берлина. Счастливой случайностью оставшийся в живых, фронтовик постоянно возвращался в своих сновидениях к тому критическому моменту, когда жизнь его висела на волоске.

Сегодня сценарий его сна несколько изменился. То же солнце пекло нещадно над безбрежными полями Украины, так же он остался в живых – один из всего взвода, отправленного на задание, но только он – желторотый новобранец – уже получил свое ранение, и больше, чем сохранность собственной жизни, его беспокоит невозможность доставить ценную информацию в штаб.

С глухим рокотом над его головой проносятся самолеты, нарезая круги все ниже и ниже, он точно знает, что обратного пути нет – поле, на которое он ступил с другими солдатами, оказалось заминировано. Можно затаиться в густой пшенице, переждать налет, отползая потихоньку, но тогда в штабе не получат его донесение, что может привести к гибели многих и многих других.

Надо ценою собственной жизни заставить себя встать, позабыв о ранении, совершить рывок назад – к дальнему перелеску, тогда у него будет шанс не только остаться в живых, но и послужить Отчизне.

Елисей встает в полный рост и тут же видит – как в замедленной киносъемке – тот смертоносный снаряд, сброшенный бомбардировщиком. И фронтовик просыпается с сознанием, что погиб. Первые несколько секунд после пробуждения Елисей Тимофеевич собирает мысли, пытается отделить сон от реальности, убедиться, что попал не на тот свет, а просто проснулся в собственной постели, что это и есть его реальность, а выжженное поле и фашистский бомбардировщик – призрачное ночное видение.

Проснувшись без будильника, он знал, что сейчас ровно 6 утра – обычное время его пробуждения, рывком встал с кровати и чуть не упал – в глазах у Елисея Тимофеевича потемнело. Присел осторожно обратно, встал уже аккуратнее, усмехнулся: семьдесят семь лет – это вам не шутки. Прошел на кухню, достал из холодильника два стеклянных пузырька. Нет, никакой аптечной дури, в нее отставной полковник не верил. Уже в течение пятидесяти лет ежедневно, точнее, каждое утро натошак Елисей Тимофеевич принимал лекарство – по рецепту своего фронтового друга, полевого врача, спасшего его от ранения в живот. После войны его спаситель стал известным хирургом-онкологом – сейчас его, правда, нет в живых, но вовсе не по причине небрежного отношения к собственному здоровью, а по вине несчастного случая – автомобильной катастрофы. Жители крупных городов платят свою цену за комфорт и достижения цивилизации: никто из нас – аборигенов асфальта – не застрахован от техногенных аварий.

А рецепт полевого врача был таков: каждое утро натошак необходимо выпивать пятьдесят граммов крепкого алкоголя – чем крепче и чище, тем лучше – и сразу запивать это хорошим растительным неочищенным и нерафинированным маслом, например оливковым. «Таким образом ты бережешь сосуды, – говаривал знаменитый хирург, – а вместе с ними и весь остальной организм». Действительно, уже столько лет Елисей Тимофеевич, неуклонно следовавший данному совету, не страдал ни сердечными, ни сосудистыми заболеваниями, все

в порядке было и с желудком, и с печенью. Спирт он очищал молоком и березовыми почками, но выпивал его только пятьдесят граммов утром натощак – в оставшееся же время алкоголем не злоупотреблял.

Каждый день обязательна сорокаминутная зарядка, вот только жаль, сейчас нету таких радиопередач, чтобы приседания и отжимания можно было бы делать под бодрящую музыку и задорные голоса. Одна муть сейчас по радио в шесть утра – полковник даже подумывал отключить радиоточку на кухне. Но любил по вечерам слушать новости, быть в курсе российских и зарубежных событий, поэтому терпел и бестолковую болтовню ведущего, который в шесть утра обращался не к тем, кто проснулся, а к тем, кто задержался в пути или просто загулял и только собирается ложиться спать.

Сорок приседаний, сорок отжиманий, упражнения с гирей, а потом уже холодные обтирания – и плотный простой завтрак: геркулес, заваренный крутым кипятком, пожаренное яйцо на ломте ржаного хлеба и крепкий несладкий чай. Еще пару лет назад Елисей Тимофеевич ежедневно бегал по утрам, но времена стали тревожные и малопонятные. Нет, полковник никого не боялся – ни шпаны с бессвязной речью и плывущим взглядом, ни угрюмых собак бойцовых пород без ошейников и намордников, которых выгуливали в соседнем парке наглые хозяева, совершенно не реагирующие на замечания возмущенного ветерана, ни пьяных мотоциклистов, с визгом рассекающих по аллеям парка в шесть утра. Не боялся он никого, только в какой-то момент бывший фронтовой разведчик перестал получать удовольствие от утренних пробежек – одно раздражение да отрицательные эмоции.

Иногда он задумывался о том, что прошел войну и победил, чтобы отстоять свободу и границы той страны, которая уже не существует полтора десятка лет. А жизнь, которую он наблюдает сейчас, по-прежнему слишком уж далека от совершенства. Зато те, которых тогда били, объединились и неплохо живут: богато, спокойно и тихо. Размышлять об этом было неприятно, будто он прожил жизнь зря.

– Ну нет, мы еще повоюем, – проворчал отставной полковник и принялся собираться на улицу.

На этот раз старший помощник Генерального прокурора Российской Федерации, Государственный советник юстиции третьего класса Александр Борисович Турецкий выглядел озабоченным, но отнюдь не усталым или больным. Его супруга наверняка знала, что организм мужа обладает свойством мобилизоваться и перебороть недомогание, если Шурик впрягается в очередное важное расследование. Потом, правда, могла наступить расплата: в редкие периоды затишья на службе муж мог позволить себе и прихворнуть. Но очередной звонок начальства действовал лучше всяких антибиотиков...

Позавчерашний исключением не был. Вернувшись вчера вечером домой, Турецкий сетовал:

– Насколько же ты права оказалась, а! В нашей стране ни дня без громкого преступления. Ни выходных, ни проходных. А люди праздник уже отмечают всюю... Костя позавчера позвонил, помнишь? С утра у него уже был. И что ты думаешь? Именно дело гибели ветерана на меня и собираются навесить.

– Но ты же вроде бы еще предыдущее дело не закрыл?

– Вот и я так же Меркулову сказал.

– И?

– Костя ответил, что я, собственно, там могу уже и не участвовать. Материалы подготовят к процессу Поремский с Перовой. А мне – бездельнику – только проконтролировать останется. Все фигуранты установлены. А ветеран, мол, это очень важно. Убийство видела вся Москва, журналюги мгновенно растиражировали на всю страну. До самых верхов информация дошла за считанные минуты. Ну и ценные указания тут же скатились...

А сегодня Ирина Генриховна встретила на пороге мужа, уже похожего на обычного, вечно занятого и немного отрешенного Шурика.

– Нинка дома? – поинтересовался супруг, не дав ей раскрыть рта.

– Ушла к Тамаре уроки учить.

– Это такая беленькая и румяная? – рассеянно поинтересовался известный следователь.

– Это такая черненькая и худенькая из соседнего дома. А беленькая – Оленька. Она далеко живет, в Строгине.

Турецкий кивнул и, занятый своими мыслями, молча исчез в ванной комнате. Жена так же молча отправилась на кухню – подавать на стол. За годы совместной жизни они обо всем не раз переговорили. Теперь все больше молчали, хотя по-прежнему с нежностью относились друг к другу. Просто переливать из пустого в порожнее, по десять раз обсуждая одни и те же темы, уже не хотелось. Общение сводилось обычно к насущным бытовым проблемам или форс-мажору.

– Зачем тебе дочь-то? – обратилась Ирина к мужу, когда тот сел за стол.

– Попросить хотел. Чтобы отобрала мне в Интернете информацию по нарушениям в аптечной сфере. Ветеран-то наш, похоже, активным борцом с лекарственной мафией был. Судить рано, но как один из мотивов преступления может сгодиться. Хочу быть в курсе.

– Я тут тебе уже пару статей отложила, – улыбнулась Ирина Генриховна, открывая створку серванта, куда днем спрятала газеты. – Я молодец?

– Ты молодец, Фроловская. Просто умница. Что бы я без тебя делал? – улыбнулся в ответ Турецкий. Не прекращая жевать, развернул на коленях «Московский комсомолец».

«В последнее время участились случаи преступлений в фармакологической сфере, причем на самых различных этапах – от производства и закупки лекарственных препаратов до их распространения.

Закон «О порядке формирования цен на лекарственные средства и изделия медицинского назначения и обеспечении мер по социальной защите населения» не выполняется. С тех пор как был принят закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», льготники поделены на региональных и федеральных. Этим же законом запрещено региональным властям оказывать какую-либо финансовую поддержку федеральным льготникам. Если региональные власти вдруг захотят поддерживать федеральных льготников, то мгновенно возникнет вопрос о нецелевом расходовании бюджетных средств. Это уголовная статья. А к ответственности могут привлечь как сейчас, так и через несколько лет. Такие примеры хорошо известны. Теперь список «обязательных лекарств» стал утверждаться не на федеральном уровне, а был отдан на откуп местных властей, социально незащищенные слои не могут рассчитывать на необходимый минимум жизненно необходимых средств, отпускаемых бесплатно или по льготным ценам, эти препараты становятся дефицитом на следующий же день, после того как попадают в аптеки.

Однако данный Закон о формировании цен на лекарственные препараты гласит:

В целях улучшения обеспечения населения лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения и осуществления мер по социальной защите населения Правительство РФ постановляет:

1. Установить, что продажа населению жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств по перечню, утверждаемому ежегодно Министерством здравоохранения по согласованию с Министерством экономики и Министерством финансов, производится с 50-процентной скидкой со свободных цен по рецептам врачей лечебно-профилактических учреждений предприятиями, учреждениями и организациями аптечной сети независимо от форм собственности.

Министерству здравоохранения утвердить в 2-недельный срок перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных средств, реализуемых населению по рецептам врачей лечебно-профилактических учреждений с 50-процентной скидкой.

2. Утвердить перечни групп населения и категорий заболеваний, при амбулаторном лечении которых лекарственные средства и изделия медицинского назначения отпускаются по рецептам врачей бесплатно и с 50-процентной скидкой со свободных цен.

3. В целях недопущения необоснованного роста свободных цен на лекарственные средства и изделия медицинского назначения установить предельный уровень рентабельности для предприятий (включая предприятия аптечной сети) независимо от форм собственности, производящих эти виды продукции, в размере 30 процентов к себестоимости.

С этим законом никак не стыкуется настоящее положение дел. Сотни наименований льготных лекарств на деле оборачиваются двумя десятками, рекомендованными местными комитетами по здравоохранению, к тому же их закупается минимальное количество, неспособное удовлетворить спрос социально не защищенных граждан. Казалось бы, при существующем на сегодняшний день широком выборе препаратов дефицита существовать не может, но суть в том, что лекарства-аналоги, не попавшие в данные списки, реализуются по полной стоимости.

Помимо этого участились случаи появления в продаже фальсифицированных лекарственных препаратов. Чаще всего речь идет о китайском или индийском сырье, которое бракуется контролерами Минздрава, но может быть использовано недобросовестными частными производителями.

С начала этого года в Москве уже изъято порядка 20 лицензий фармацевтических фирм.

Удручает и статистика отравлений некачественными препаратами. Если в сфере продовольственных товаров население все чаще обращает внимание именно на отечественного производителя, то согласно последним опросам в сфере фармакологии люди высказывают большее доверие импортным лекарствам, хоть и отдают себе отчет в том, что их фальсификация также возможна.

Отечественные препараты пользуются популярностью только за счет низких цен, однако к их действенности большинство людей относятся крайне скептически».

Турецкий осилил статью с трудом, поскольку терпеть не мог жестяной язык официальных материалов. Этого добра ему и в юриспруденции доставало. Отметил для себя только, что очередное разделение полномочий между федеральными и местными властями в который уж раз отразилось на самых беззащитных слоях населения. И открыло чиновникам от фармацевт новый путь для финансовых махинаций и злоупотреблений. Немудрено, что люди, устав добиваться правды, сами принимались за поиски виновных.

Мельком просмотрел он и другую газету, невесть откуда занесенную в их дом «Петербургскую перспективу».

«...Один из последних городских скандалов связан с закрытием старейшей аптеки Петербурга. В начале года было отдано распоряжение о ликвидации сети аптек „Александр Фармацевтика“. Первой жертвой этого распоряжения стала знаменитая „Аптека Профессора доктора Пеля и сыновей“, расположенная на 7-й линии Васильевского острова. Ликвидационная комиссия, попросив предъявить директора аптеки лицензию, позволяющую хранить медикаменты и торговать ими, обнаружила, что срок данной лицензии истек еще в прошлом году. Но решение о ликвидации вызвано не только отсутствием лицензии и миллионными задолженностями перед городским хозяйством. Аптека находится в таком состоянии, что речь не идет даже о положительном заключении СЭС. Антисанитарные условия в подсобных помещениях, нарушение всех разумных правил хранения лекарственных препаратов, сырость, крысы, насекомые – вот что увидела ликвидационная комиссия, когда ей удалось преодолеть сопротивление бывших (теперь уж бывших) сотрудников и попасть в служебные помещения аптеки.

Стоит отметить, что подобный скандал не единственный. С начала года в Петербурге закрыто порядка тридцати аптек, некоторые дела переданы в суд...»

«Похоже, по всей стране началось», – вспомнил Турецкий расхожую фразу из анекдота. Что же. По крайней мере, есть повод для размышлений и определения направления работы. Завтра, собрав группу, можно будет и кое-какие поручения уже раздать.

2

– Ну что, твой Костя Цзю продул с треском? – издевательски спросил Митька.

Василий в ответ на реплику приятеля грязно выругался, ведь он вчера поставил на известного боксера довольно приличную сумму у частного букмекера и надеялся эту сумму округлить. А то как же: непобедимый Костя Цзю, гордость России и все такое прочее – выигрыш гарантирован!

А тут вдруг проиграл – и так позорно. Мало того, он еще заявил, что уходит с ринга и это был его последний бой.

– Так и выиграл бы его, раз последний. Прямо гимназисточка какая-то: чуть в морду посильнее получил, так сразу залепетал «ухожу, ухожу, ухожу».

– Если бы он не проиграл, его бы потом на бис попросили выступить. И еще раз. И хрен бы он вообще куда ушел, а ему, наверное, этот бокс осточертел, как мне Митькины линялые майки! – пожал плечами Славик. Сегодня он презентовал очередную свою модную футболку, на груди которой было написано «building», а на спине – «body».

Митька с Игорем завистливо смотрели и на саму футболку, и на Славикову подкачанную, рельефную фигуру – неизвестно, на что с большей завистью, если честно.

Один Василий Жданов мрачно подсчитывал убытки: на выигрыш он планировал купить тренажер «Weider 234» и качаться дома. Сколько он уже сменил спортзалов – не сосчитать, а везде одно и то же! Сначала все хорошо: сдружишься с завсегдатаями, начнешь с ними по-приятельски болтать до и после тренировок, советы выслушиваешь, да и вообще есть о чем поговорить мужчинам между собой, они, между прочим, побольше женщин к болтовне склонны. А то как же! Кто изобрел все эти бары, быстро, пивные – лучшие в мире места, где языки сначала сами собой развязываются, а потом начинают нести такое, что утром и стыдно, и интересно становится? Вот и на этот раз Василий нашел себе товарищей по увлечению – Славика, Митьку и Игоря. Отличные попались парни, в тренажерах разбираются, советы дают неплохие, только вот в последнее время уставать он от них начал. Какие-то они не от мира сего были, качки эти. Ничего их не интересовало, кроме рельефных мышц и баб, которых они на эти мускулистые бугры, будто на наживку, поймать намеревались.

«А чего ты хочешь? Тут половина парней об этом мечтают: подцепить миллионершу и трахать ее за ее же деньги!» – откровенно признался Игорь. Он был самым младшим в компании, работал барменом в ночном клубе, собирался подкопить денег и поступить на юридический факультет. «Если, конечно, принцессу вскорости не захомячу!»

Славик, красавец брюнет, работал обозревателем в каком-то серьезном журнале и всегда заранее предсказывал разные политические катаклизмы. Парни говорили, что он давно обрисовал ситуацию с Днем Победы: что москвичам, дескать, посоветуют не появляться на празднованиях, дабы не мешать важным шишкам, приехавшим с дружественным визитом, – и это сразу после празднования трехсотлетия Петербурга. «Это была тренировка, мальчики, – уверенно сказал Славик. – Теперь увидите, что то же самое случится и на шестидесятилетие Победы!» Знакомцы уверяли, что прогнозы Славика всегда сбываются. Но Василий знал Славика и остальных всего несколько месяцев и не мог подтвердить или опровергнуть справедливость подобных утверждений.

Если приглядеться, то настроение этой компании было очень противоречивое: с одной стороны, завсегдатаи «качалки» стремились выглядеть по-мужски, а с другой – отношение их к жизни было исключительно потребительским, женским, как определил для себя Василий. Но самое забавное, что вслед за визитом в «качалку» в обязательном порядке следует посещение бара, и смысл многочасовых тренировок – в потных усилиях согнать лишний жирок и накачать

мускулы – убивается большим количеством пива в сопровождении таких вредных пересоленных жареных орешков, чипсов или фаст-фуда (сплошной холестерин, майонез и химия).

Особенно удивлял Василия Митька – рыхлый и пухлый блондин, ни дня не представляющий без баночки «пивасика». Он был капризен, а порой даже невыносим, хотя честно пытался казаться «отличным парнем». Другие ребята, посещавшие зал, старались с ним не связываться: если уж Митька положил полотенце на беговую дорожку, то, стало быть, он к ней вернется, а ежели кто эту дорожку попытается занять, а полотенце бросить на пол, визгу и воплей не оберешься. Может даже в волосы, будто баба, вцепиться – Игорь говорил, что такие случаи бывали. Василий как-то сразу дал Митьке понять, что с ним так шутить не нужно. Во-первых, он абсолютно лысый, как и положено спортсмену, а во-вторых, ругаться не станет, а просто двинет кулаком куда следует, без злобы, просто за ради справедливости.

Сам себя Василий считал мужчиной самостоятельным, правильным и сексуально не озабоченным. Спортзал посещал совсем с другими целями.

Он в отроческие годы профессионально занимался спортом – в школе олимпийского резерва, не что-нибудь! Его готовили к спортивной карьере, он и сам только об этом мечтал: даже когда спать ложился, клал перчатки рядом. А то мало ли – во сне придется с кем-нибудь побоксировать, а перчатки еще искать надо. Но судьба решила, что не надо Василию идти в профессиональный спорт. Однажды, гуляя с нетрезвой подростковой компанией по району, Вася на спор залез на березу и крикнул почти с самой верхушки: «Жопа!» И жопа не заставила себя долго ждать: небрежно спускаясь вниз, предвкушая похвалы и одобрительное похлопывание по плечу со стороны старших парней, Вася сорвался и полетел вниз. Правда, ему еще повезло: перевернувшись в воздухе, он приземлился на ноги. Но силой инерции его повело в сторону, он упал сначала на так не к месту упомянутую задницу, а потом и на спину. Из-за сильной боли в пояснице парень подняться не смог, хотя руки-ноги шевелились. Испуганные подростки вызвали «скорую помощь». Снимок, сделанный в больнице, показал наличие многооскольчатого перелома тела позвонка с патологической деформацией позвоночника. Было принято решение провести операцию, так как без нее пациент был обречен на инвалидность.

В больнице парень провалялся две недели, пока его к операции готовили. А саму операцию, когда в позвоночник вставляли металлический штифт, он под общим наркозом успешно проспал. Наутро из операционного отделения его перевели в палату. На второй день Василий начал потихонечку поворачиваться, приспособился самостоятельно есть. На третий-четвертый день начал делать гимнастику. Через неделю в протезно-ортопедическом предприятии для пациента сделали корсет, и подросток начал вставать с кровати. Первые шаги давались с трудом, кружилась голова, но постепенно он освоился и начал ходить.

И все-таки на спортивной карьере можно было поставить жирный крест. Ну бокс боксом, а как-то встряхивать себя надо, решил Василий и, встав на ноги, начал качать мускулатуру. С тех пор он просто не мог жить без физических нагрузок. Стоило пропустить тренировку – начинала болеть спина.

– Ребята, вы новые весы видели? – спросил Игорь – он уже успел переодеться и пробежаться до спортзала и обратно.

– И что за весы такие? – поинтересовался Славик. – Ты на них встаешь, а они тебе минет делают?

Митька захохотал.

– Благодарю вас, – раскланялся Славик. – Ну так что за весы-то?

– Ребята говорят – чудо немецкой мысли. Весы, которые определяют мышечную массу жира и воды в процентах от общего веса. Чтобы своими глазами увидеть собственный прогресс! – восхищенно сказал Игорь.

– Да барахло какое-то небось, дурилово, – буркнул Василий.

– Ой, ну все, жизнь кончилась, Костя Цзю из большого спорта ушел! – передразнил его Митька. – Давайте теперь все в трауре ходить!

– Да пошел ты, – отмахнулся Василий. – Эти весы – то же самое, что ваши БАДы. Только бы деньги из людей тянуть.

– Нету денег – оторви от стенки батарею и качайся, – посоветовал ему Игорь. – Пойдемте, мальчишки, к нашему железу!

Почти все ребята ходили в спортзал для того, чтобы как следует накачаться, стать мускулистым и мощным, поэтому многие из них употребляли БАДы – биологически активные добавки, протеиновые, коктейли и прочие разрекламированные средства. Тренер не поощрял, но и не запрещал это: у всех свои цели и у всех свои средства.

В первый раз, когда Митька принес протеиновый коктейль, его подняли на смех:

– Зачем тебе-то увеличивать мышечную массу? – закричал Игорь. – Тебе ее уменьшать надо!

– Да уж, дружок, ты как-то погорячился, зачем тебе это? Ты что, собираешься в телевизор? – поддержал его Слава.

– Помалкивали бы лучше, умные очень, да? – огрызнулся Митька. – Я уже все рассчитал. Буду на завтрак жрать мюсли. Никакого пива, понятно? Мясо вареное начну с собой на работу носить в контейнере. Овощи свежие покупать. И, конечно, коктейли эти. И через полгода стану лучше вас!

– Ага, попробуй, а мы поглядим, – насмешливо сказал Игорь.

Но Митька, видимо, решил всем доказать, что он еще ого-го какой спортсмен и что сила воли у него имеется! Даже Василий должен был признать, что через месяц результаты замеров и взвешиваний «отстающего» превзошли его собственные, а Василий тренировался на славу!

– Ладно, давай попробуем твои волшебные пилюльки, – сказал Славик. Не очень-то ему хотелось быть хуже этого увальня Митьки!

Следующим сдался Игорь. Через пару недель, после того как Славик перешел на усиленное протеиновое питание, юный бармен пришел на тренировку унылый, как в самый дождливый осенний день.

– Черт, у меня такой роман сорвался! – воскликнул он, швыряя сумку в угол. – Я всю жизнь о нем мечтал, можно сказать! А теперь все!

– Какие твои годы, – успокоил его Славик. – Я в девятнадцать лет и не думал еще о постоянных подружках!

– Мне еще нет девятнадцати! – возмутился Игорь.

– Ну тогда тем более! – улыбнулся Славик. – Вот лучше бы кто-нибудь сказал мне, почему сенсации появляются ровно за час до сдачи номера? Я вчера чуть с ума не сошел, когда объявили о кадровых перестановках в СПС!

– Ой, мне бы твои проблемы! – поджал губы Митька. – А моя дура необразованная постирала желтенькую мексовскую футболку с синим полотенцем! Такую вещь испортила. Придется мне с ней опять «развестись», для остротки!

– Ну и сволочь же ты! Она же так тебя любит, все капризы выполняет, а главное – терпит твой гнусный характер! Ты думаешь, найдешь еще такую бабу? – возмутился Игорь. – А вот я вчера, кажется, всю свою жизнь просрал! А ведь какая блондинка была! Лопотала не по-нашему – итальянка, похоже. И отвязная! И богатая! Кутила и деньгами сорила: угощала всех шампанским, тратила деньги на коктейли случайным мальчикам, щедрые чаевые оставила. Я думал, она на меня запала, и так и сядет ей, как дурак, улыбался! А потом она пошла к сцене, достала кошелек и сто долларов стриптизеру в трусы засунула! Мишелю этому занюханному! Но мускулатурка у него что надо, это правда.

– Ну так качайся – и будет у тебя мускулатурка, – сплюнул Василий. Приятели впервые столь откровенно разговорились при нем о своих мечтах, видимо, решили, что он окончательно «свой».

– Вася, мы тебя не шокируем? – улыбнулся ему Славик. – Мы такие порочные, да?

– Да ну вас в задницу, – махнул рукой Василий и пошел разминаться.

– Какой строгий! Ему, поди, высокую любовь подавай, – скорчил гримасу Митька. – А тебе, Игорек, надо бы протеинчика попить! Тогда эта итальянская принцесса точно будет твоей! А теперь пошли тягать железо!

После истории с проигрышем Кости Цзю Василий совсем приуныл: ему не хотелось бросать занятия спортом, дарившие ему уверенность и незамутненное счастье, но товарищи по клубу все чаще и чаще вызывали в нем раздражение.

...Василий работал охранником в агентстве недвижимости «Нуминар»: сидел себе на стульчике около ресепшн в надежде, что какой-нибудь клиент возьмет да устроит скандал и его можно будет выставить вон, а то и по шее съездить. Но клиенты попадались какие-то занудные, тихие, без заскоков. Так что Василий только и делал, что смотрел портативный телевизор да болтал с секретаршей.

– Где бы денег раздобыть? – вздохнул он вот уже в который раз, ни к кому не обращаясь и в то же время обращаясь ко всем.

– А ты же вроде в «качалку» ходишь? – спросила его секретарша Катенька.

– И какая связь? Предлагаешь ему грабить по ночам прохожих? – усмехнулся менеджер Денис. – Я сейчас поеду посмотреть один загородный дом, если мне будут звонить – говори всем, что буду ближе к вечеру, о'кей?

– Грабить прохожих? – повторил Василий. Это предложение показалось ему забавным.

– Ну вот, научил на свою голову! – засмеялся Денис.

– Не слушай его, Васютка, он дурак и пьяница, – сказала Катенька. – Раз ты ходишь в «качалку» – ты вполне можешь покупать где-нибудь на стороне биологически активные добавки и продавать вашим парням втридорога. Я вот, например, снабжаю косметикой всех наших женщин. Чтобы им лишний раз по магазинам не таскаться. Хочешь, я узнаю, где все эти протеины продаются?

– Узнай, если тебе не лень. Но как я буду торговать? Я же никогда этого не делал. Да и вообще, стыдно как-то.

– А тут и делать ничего не надо. Взял оптовую партию, притащил в свой спортзал, сказал, что достал по случаю, а уж остальное за тебя покупатели сделают. Ну сам подумай: чем мотаться по аптекам, выбирать, мозги напрягать – они просто возьмут у тебя эти самые средства, быстро и без проблем. Еще спасибо скажут!

– Не знаю, Кать. Не по мне это, – поморщился Василий.

Однако когда Катенька где-то разузнала, что протеиновые коктейли фирмы «Параллакс» – совсем такие же, как импортные, а стоят чуть ли не в половину меньше тех, которыми пользуются товарищи Василия по спортзалу, в нем проснулся здоровый азарт.

– Ну давай адрес и телефон своих протеиновых королей. Попробуем поиграть в большой бизнес.

Офис «протеиновых королей» находился в Тушине и больше был похож на обыкновенную квартиру, по случаю переделанную в приемную, но Василий постарался не заикливаться на подобных мелочах. Может, в этом бизнесе так принято. Да и вообще – какая разница, где находится этот чертов офис? Ввязался в аферу, так не жалуйся теперь – большой уже мальчик.

Когда Василий принес и разложил свои товары в раздевалке, приятели, против его ожидания, посмотрели на него с уважением.

– Вот здорово, что кто-то догадался покупать протеинчики сразу на всех! – обрадовался Игорь. – Ну и почему у нас это счастье?

После того как Василий стал «поставщиком королевского двора», ребята перестали относиться к нему как к «своему» – не то чтобы сторонились, но не слишком-то с ним общались и почти не обсуждали при нем свои личные проблемы – а ему только того и надо было! Словом, куда ни глянь – одни сплошные плюсы.

Сначала все шло хорошо. Денег, заработанных на перепродаже протеинов, хватало на оплату спортзала, так что Василий сперва приободрился и даже сам вроде бы стал принимать коктейли, достававшиеся ему по оптовым ценам. Никаких положительных изменений он за собой не заметил, но и хуже вроде не стало. Зато парни почувствовали разницу довольно скоро. После очередного взвешивания на чудо-весах и обмеров выяснилось, что Славик сильно уменьшился в объемах, Игорь перестал наращивать мышечную массу – а ведь еще месяц назад он шел на рекорд, ну а Митька – тот, конечно, потяжелел, кто бы спорил! Но почему-то у него выросли не бицепсы, а живот!

– Что, жить не можешь без своего пива? Опять по баночке-другой каждый вечер? – поддел его Славик.

– Да ни за что! Парни, что вы обо мне думаете? Ну, может быть, в выходные – с мегерой своей – за примирение, но не каждый же день!

– Да, странно. Как-то мы одновременно все сдали, – почесал в затылке Славик. – Наверное, нам пора переходить на усиленные нагрузки. Где-то я читал, что нагрузки следует увеличивать по мере занятий.

Парни так расстроились, что не заметили, как к ним подошел тренер.

– Молодец, Вася! Растешь! Бедра только отстают. Базовым упражнениям больше внимания уделяй – приседаниям, становой тяге и выпадам. – Потом повернулся ко всей компании. – Что, парни, решили отказаться от этой своей химии? Правильный подход. Настоящие мышцы можно накачать только упорным трудом, и никакие чудо-добавки тут не помогут.

И не успели ребята очухаться, как тренер уже перешел к следующим спортсменам:

– Браво, Сергей, отличные результаты. Коля, тебе надо больше внимания уделять скручиваниям. Валентин, у тебя тонкие кости, я же говорил, крупнее ты уже не станешь...

– Почему он решил, что мы перестали принимать протеины? – удивился Игорь. – Мы же...

– Василий, тебе не кажется странным, что наши результаты ухудшились именно после того, как ты стал поставлять нам БАДы? – холодно поинтересовался Славик.

– Вы уверены, что это как-то связано? – напрягся Василий. – Вы что, думаете, что я вас обманываю?

– Паршивый ублюдок! – воскликнул Митька. – Ты, значит, решил, что если мы хотим жить за счет девок, то нас нужно проучить? Тоже мне Робин Гуд нашелся!

– Робин Гуд обворовывал богатых, – напомнил Славик.

– Робин Гуд брал у богатых и давал бедным! – подсказал Игорь.

– Да наплевать, что там было с Робин Гудом! Ну что скажешь, комсомолец ты наш непорочный? – наступал на Василия Митька.

– Ты мне не хами! Сам насосался пива, разжирел, а теперь на меня бычишь? – возмутился Василий. – Я что, по-вашему, подбирал на помойке коробочки, насыпал в них сухое молоко, а потом запечатывал их промышленным способом – и все, только чтобы вам насолить?

– Ух ты, какие мы знаем слова! – обрадовался Игорь. – Давайте в сторону отойдем и там уже подеремся, а?..

Из зала Василий возвращался потрепанным и глубоко несчастным: мало того что о перепродаже протеинов этим парням больше не могло быть и речи, так еще и новый спортзал нужно было подыскивать. В любом случае здесь ему было делать нечего.

– Еще раз сунешься сюда – мы тебя по-настоящему отмутузим! – посулил Игорь. – А свои фальшивые протеины можешь знаешь куда засунуть?..

– Вам, наверное, виднее, – ответил Василий, скрываясь в темноте.

Его не слишком удивило то, что лекарства, которые он покупал в офисе «Параллакса», оказались фальшивыми. Василий вообще с самого начала был убежден в том, что все эти средства – сплошное надувательство.

– Слушай, Кать, а где ты нашла эту фирму, ну «Параллакс», которая производит БАДы? Помнишь, ты мне посоветовала? – спросил он секретаршу на следующий день.

– А, фирму-то? Подожди, дай-ка вспомнить. Ну да, в рекламной газете. Знаешь, пока сидишь тут – можно от скуки помереть. Люди то звонят целыми пачками, то нет никого, ну я газетки и почитываю. Все хорошо, да?

– Ага. Практически, – кивнул Василий.

На этом его карьера спекулянта закончилась.

– Квартирная хозяйка опять взвинчивает цену! Придется искать новую комнату! А мой-то уже и плинтуса подправил, и стекло выбитое заменил, так всегда у нас выходит. Въезжаем в заброшенную квартиру, только-только обживем ее, как хозяева – бац, повышают цену! Вы же, говорят, платили нам те деньги за нежилое помещение! А теперь, говорят, оно вполне жилое и мы можем за него взять с других жильцов больше денег, – жаловалась Анна Ивановна своей подруге Зухре. Обе женщины были нелегальными эмигрантками, жили в подмосковном городе Чехове и работали на производстве лекарств в одном из заброшенных ангаров близ города Серпухова. Обе когда-то работали фармацевтами, но после развала СССР были вынуждены покинуть обнищавшие родные города и искать счастья в Москве. Перебиваясь случайными заработками, они вышли на Ибрагима, набравшего фармацевтов-гастарбайтеров для фирмы «Параллакс».

– А меня вчера в маршрутке шахидкой обозвали! – отвечала Зухра. – Передай, говорят, деньги, шахидка! И ребенку в садике дети говорят, что его мама – террористка. Но я же не виновата, что мне дома было не заработать!

– Да, у нас, когда встал шарикоподшипниковый завод, весь город дружно стал сосать лапу, – завела Анна Ивановна старую песню. Собственно, они с Зухрой целыми днями могли вспоминать прошлые беды и нынешние обиды, так было легче отвлекаться от царившей вокруг разрухи и антисанитарии. – У нас же все мужики и многие женщины на производстве работали. А когда завод приватизировали – ну бывший директор то есть купил его, – сначала вроде было хорошо. Зарплату всем подняли. Мы-то, не из заводских которые, завидовали им! А моя соседка – царство ей небесное – тетка Фрося еще сказала тогда, что добром это не кончится. Старая женщина, мудрая, войну пережила, всю семью схоронила. И точно, добром не кончилось. Через полгода того директора застрелили. И завод купили воры. – Анна Ивановна произносила это слово с ударением на «ы». Воры сначала сделали вид, что все будет как при прежнем директоре, а в один прекрасный день, аккуратно перед выплатой зарплаты, – фьють! – и только их и видели, улетели с деньгами и с техникой, все, что было ценного, подчистую выгребли! Пока государственная комиссия приехала, пока начали разбирательство, наши уже кто послабже спиваться начали, а мы вот с мужем решили тикать, пока живы. Мой-то сейчас на стройке работает, тоже все-таки деньги, да и я вроде неплохо устроилась, не буду гневить Бога, по специальности даже работаю!

– Да мы уже Бога прогневили – дальше некуда! – крикнул ей из-за соседнего стола молдаванин Игорь. – Нам за наши порошки на том свете еще устроят!

– Ну а что ж ты до сих пор здесь сидишь, праведник такой? – возмутилась Анна Ивановна. – И шел бы туда, где нет этих порошков! Побирался бы в метро!

– А я неверующий, у меня того света не будет, все что причитается на этом получу! А вот вы попали! – нахально ухмыльнулся Игорь. Игорь вообще мало разбирался в фармакологии, поэтому ему доверили самое простое дело – лепить наклейки на бутылочки с детской присыпкой, которые его соотечественники, два хмурых молдаванина, наполняли тальком, перемешанным с цинком. Себестоимость каждой такой бутылочки – включая работу и исходный материал – не больше пятидесяти копеек, а продают их в розничной сети за двадцать рублей. С этой присыпки все и начиналось: практически безвредная статья дохода! Только каждый двухсотый ребенок – аллергик с букетом других заболеваний – почувствует, что его присыпают неправильным порошком, раскапризничается и покроется красными пятнами, остальные даже ничего и не заметят. А раз так – то можно совершенно не опасаться санкций. Мало ли от чего аллергики капризничают и покрываются пятнами? Пока в бесплатных детских поликлиниках им будут анализы делать, мамаша уже и забудет о присыпке какой-то! Конвейер по производству присыпки не останавливался даже на ночь: приходили другие мрачные молдаване и в огромном чане, выкраденном или, может быть, даже купленном на одном из молокозаводов, смешивали бесполезные и бессмысленные ингредиенты, которые днем надлежало расфасовать и отправить на склад.

Анна Ивановна и Зухра занимались более тонкой, если так можно выразиться, работой – изготавливали биологически активные добавки, так называемые БАДы, которые очень любят принимать молодые люди, решившие нарастить мускулатуру. Протеиновые коктейли производства фирмы «Параллакс» стоили в розничной сети чуть ли не вполтину дешевле аналогичных товаров импортного производства, а их себестоимость вообще была за гранью возможного – в сотни раз дешевле, чем она должна была быть. Чтобы получить фальшивый протеиновый коктейль, надо было в равных пропорциях смешать костную муку и сухое молоко, добавить краситель, измельчить и расфасовать по капсулам, герметической укупоркой которых занимались здесь же.

Ангар в районе Серпухова, заброшенный военными, достался фирме «Параллакс» абсолютно даром. Ибрагим говорил, что все это благодаря русской бесхозяйственности. Дескать, бросили хорошее место, удаленное от жилья настолько, что случайные прохожие не лезли не в свое дело – чем, дескать, тут у вас пахнет?

В ангаре с обшарпанными стенами и протекающей крышей круглый год было душно и смрадно, под потолком летали мухи. Эти же мухи с интересом исследовали костную муку и сухое молоко, детскую присыпку и поливитаминную смесь, которую изготавливали из мела пополам с аскорбиновой кислотой. Пахло тут и в самом деле довольно неприятно. Игорь как-то терпел, а вот женщины работали в респираторах. Помимо производства здесь же находился склад лекарственных отходов, хотя сотрудники подшучивали, что производство-то у них как раз безотходное: в дело шло все, лекарства из просроченных ампул переливались в большие колбы, а потом запечатывались в новые ампулы с новенькой маркировкой, гарантирующей еще долгую жизнь лекарствам. Таблетки перетирались в порошок и формировались заново.

– Что-то у тебя сегодня смесь больно рассыпчатая, – пихнула Зухру Анна Ивановна, – наверное, мука отсырела? Я говорила Ибрагиму – заделай ты крышу, ну не можешь сам – давай моего мужа позовем, так нет!

– Тихо! – зло прошипела Зухра. – Тут вместо молока – мел!

– Как – мел? – тоже перешла на шепот Анна Ивановна. – По технологии ведь молоко надо!

– По технологии сама знаешь, что надо. Какая разница, чем людей травить, а у меня хоть ребенок будет чай с молоком пить! Он уже прозрачный весь за зиму стал!

Таким образом, не только разработчики «добавок», но и сами производители вносили коррективы в технологию производства.

В дальнем от работников углу, у самого выхода из ангара, стояли баки с отходами. Рядом с ними курили сотрудники подпольного цеха: на улицу до окончания рабочего дня выходить было нельзя. Мало ли какому шальному военному приспичит мимо проходить – вопросами замучает. Да и вообще – береженого Бог бережет. Обедали за теми же столами, за которыми работали. По сигналу Ибрагима «фармацевты» доставали из сумок завернутые в промасленную бумагу бутерброды или стеклянные банки с каким-то месивом и без удовольствия, только чтобы поддержать силы, поглощали эту немудреную снедь. Биотуалет, который чистили раз в несколько дней, располагался рядом с отходами.

– Вы у меня еще и курить бросите, еще спасибо скажете! – похвалялся Ибрагим. В самом деле, невозможно было долго находиться рядом со зловонными баками. Молдаванин Игорь, куривший скорее не потому, что ему очень хотелось, а чтобы сделать себе очередной перерыв, старался незаметно отойти от баков поглубже в помещение. Иногда у него это получалось, а однажды он даже стряхнул пепел в открытую коробку с костной мукой.

– Что ж ты делаешь! – закричала на него Зухра.

– А, ничего, перемелешь – мука будет, – беспечно сказал Игорь. Надо сказать, он единственный из работников сохранял приподнятое состояние духа, остальные целыми днями были унылы и молчаливы. Потому что понимали, что они делают, и догадывались, чем грозит разоблачение подпольного производства бесполезных и даже вредных лекарств. Но какой у них был выбор? Все фармацевты, занятые в «Параллаксе», жили в Москве и Подмосковье без прописки, на птичьих правах, и работодатель как бы даже делал им одолжение, предлагая работу по специальности и оплату... Ну, скажем так, не ниже того минимума, который необходим, чтобы не протянуть ноги.

День был будний, но для пенсионера и будний день – праздный. А в нынешнем апреле лес стоял уже совсем зеленый, снег сошел рано, и Иван Никифорович Силкин решил сделать первую грибную вылазку. Заядлый грибник, он иронически посмеивался над «ленивой молодежью», которая считает, что грибная пора в подмосковных лесах продолжается с середины июля до конца августа, и знает лишь три вида грибов – подберезовик, белый гриб-боровик да лисички. Ну и, если повезет, в урожайный год приносят из лесу одну-две корзинки опят.

Как бы не так, Иван Никифорович грибы знал и любил, рассказывал, что многие люди по собственной глупости и недоверию отказываются от вкуснейших и ценных грибов, предпочитая магазинные шампиньоны и вешенки, жаль таких.

Грибная пора пенсионера Силкина начиналась в конце, а то и в середине апреля, когда на лесных полянах и опушках сходил последний снег и появлялись первые строчки, сморчки да сморчковые шапочки, а потом уже весенние и луговые опята. В хороший год удавалось отловить краткосрочный период грибов-разведчиков – ранних маслят, рыжиков и моховиков, которые, появившись еще весной, потом пропадают, чтобы вернуться в изобилии в середине лета.

Супруга Ивана Никифоровича – Мария Александровна – увлечение мужа «тихой охотой» всегда разделяла, вот и сейчас охотно откликнулась на его предложение составить компанию. Собирались вечером, чтобы выйти из дома затемно, успеть на первую – еще пустую – электричку.

Когда собирались рано ложиться спать, позвонила Зося – жена их старшего сына. Любимая невестка. Старики были ею довольны, она регулярно звонила узнать, как дела, как здоровье, в магазин, в аптеку сбегает – и просить не надо. По дому помогала, благо жила неподалеку. Мария Александровна даже ворчала иногда: мол, не такие мы старые, сами справимся, но Зосю любила, принимала охотно. Муж ее Сашка, их старший сын, служил в северных морях на военном корабле, бывало, что по полгода дома не показывался, детей у них не было, вот Зося и скучала одна. На работу не ходила, обшивала на дому знакомых, портнихой слыла пер-

востатейной, звали ее в ателье, но ей не нравилась бабья болтовня, обычная для таких коллективов, работа по графику и по плану, к тому же в мастерских при ателье всегда царил бардак. Дом свой держала в образцовом порядке, что совсем не трудно, когда живешь одна и у тебя маниакальная страсть к чистоте и аккуратности, а как же – она же клиентов у себя принимает. Стариков Зося любила искренне и навещала довольно часто. Вот и сейчас позвонила, узнала, что завтра те собираются до первой зорьки за ранними грибками, и напросилась с ними. Старшие Силкины, конечно, согласились, и не без удовольствия.

Вышли из дома ранехонько – в удивительно теплую апрельскую ночь.

– Ох и теплынь! – глубоко вдохнул и выдохнул влажный весенний воздух Иван Никифорович. – Ранняя весна, недолгая и непрочная. Сегодня хоть купальный сезон открывай, а завтра запросто и снег выпадет. Хорошо, что не стали затягивать.

До Курского вокзала шли пешком, метро еще не открывалось, фонари скрывались в тумане. Машин не было. Город только-только закончил свою бурную ночную жизнь и погрузился в короткий сон. Утро начнется часа через два. Вот странная жизнь в современной Москве, думали старики, в будний день на улице народу, как в выходной. По ночам до трех часов машины шумят, музыка играет, будто никто и не работает в городе, а при этом в шесть утра в метро уже не протолкнуться – первый час пик, люди едут на заводы, часто на другой конец Москвы. И то хорошо, хоть заводы не стоят и хоть кто-то работает. Вот в прежние времена попробуй праздный человек в будний день по центру города погулять, да запросто у него милиционеры документы спросят, ибо подозрительно. С другой стороны, конечно, и хорошо, что мутные андроповские времена, когда людей среди бела дня забирали из кинотеатров и магазинов по причине «прогуливания работы», уже прошли, но все же сейчас народ совсем распустился.

Несмотря на ранний час, Курский вокзал, однако, не пустовал. Тут никто не замечает даже, ночь ли, день ли. Самый неприятный и неопрятный из всех московских вокзалов, южное направление. Казалось, что некоторые люди тут просто живут, причем годами – с мешками, детьми и привычкой к мелкому воровству и попрошайничеству, что на взгляд Ивана Никифоровича было одно и то же. Прожив долгую и трудную жизнь, он с трудом привыкал к новым реалиям и к новым понятиям – что такое хорошо, а что такое плохо. Жить честно, трудиться не только на свой карман, но на благо страны и всех людей – вот его принципы, над которыми современная молодежь может только посмеяться. Сейчас всем лишь бы урвать кусок – а на других наплевать, вот такая жизнь пошла.

А эти «вокзальные»... слов даже нет, и ведь милиция не гоняет, наверняка свою копеечку с них имеет. Конечно, есть ведь законы, но кто же их соблюдает. А тут целыми деревнями безо всяких документов живут – и ничего.

Зося брезгливо передернула плечами, разглядывая многодетную семью то ли цыган, то ли просто каких-то чернявых южан, одетых в рванье, спавших прямо на бетонном полу, положив голову на огромные клетчатые баулы.

– Как же так можно! Детей бы хоть пожалели. И запах какой от них – будто годами они не то что бани, и даже душа не видели.

Иван Никифорович только вздохнул. Невестка высказалась о том, о чем он и сам думал, но ответа не находил. Действительно, как же так можно!

Сердобольная Мария Александровна вступилась:

– А может, им деваться некуда, беженцы например. От войны убежали или от голода.

– Да какие они беженцы! – сплюнул в сердцах ее супруг. – Как же! Беженцам по закону и жилье выделяют, и документы оформляют, и на работу помогают устраиваться.

– Так то по закону, – рассудительно заметила Мария Александровна. – Давно ты видел, чтобы у нас законы соблюдались?

Крыть было нечем, законы действительно не соблюдались. Иван Никифорович опять вздохнул, помрачнел и сказал:

– Ладно, бабоньки, что пустые разговоры разводить? Давайте на электричку выбираться.

Электричка, на удивление, пришла вовремя. В вагоне они оказались одни. Мимо них промчалась какая-то девица в вечернем платье, видно было, что она не спросонья так нарядилась, а просто ее вечер еще не закончился. Пробегая мимо их коробов и глядя на резиновые сапоги, девица насмешливо буркнула:

– Зимой по грибы собрались, вот идиоты! – и убежала в следующий вагон.

Силкины невольно рассмеялись, они привыкли к таким шуткам, мало кто понимал, а тем более разделял бы их страсть к ранним грибам, таким нежным, таким капризным, но таким живучим, которые появляются в апрельском лесу – как подснежники – навстречу первому солнцу.

– Ха! А зимой в одном вечернем платье по электричкам кататься – самый сезон! – ворчливо заметил Иван Никифорович, но девица его уже не слышала – бежала дальше по вагонам.

Ехать предстояло долго. Силкин задремал, а женщины разговаривали вполголоса – как там Сашка, и часто ли пишет, и сколько ему осталось еще служить, и что в Мурманске лето короткое, а зима длинная, и есть ли смысл в том, что корабль стоит всю зиму у причала, а моряки в полном составе проводят там полярную зиму. Небось безделье сплошное да пьянство.

Иван Никифорович, сквозь дремоту улавливая суть их беседы, вдруг рассердился:

– Да ладно вам, бабоньки, языками чесать. Какое пьянство и безделье! Корабль-то военный, и Сашка – офицер, он как раз и должен за порядком следить, чтобы матросы не разболтались совсем.

Долго ли коротко, все-таки приехали. Вышли за несколько остановок до Серпухова, перешли шоссе, параллельное железной дороге, и углубились в лес. Рассвет еле-еле забрезжил, снег в этом году сошел рано, но из-за этого лес оказался сильно заболоченным, Иван Никифорович срезал каждому по удобной палке-посоху и порадовался, что убедил женщин надеть высокие резиновые сапоги с теплой байковой вставкой вроде чулка.

Зоя почти сразу начала оглядывать пригорки и ворошить кусты – в поисках грибов. Иван Никифорович посмеялся:

– Рано смотришь, Зосенька! Мы сейчас как раз до рассвета уйдем поглубже, а в темноте искать глупо, да и у шоссе весь лес не столько даже истоптан (сама знаешь, любителей на ранний гриб мало), сколько загажен, и не только мусором, а именно самим шоссе. Гриб – он цветок нежный, все впитывает, ко всему восприимчив, а от машин тут и свинец, и прочие тяжелые металлы, и газы выхлопные. Километра три уйти надо, чтобы здоровый гриб начался.

Так и шли, палками нащупывая дорожку покрепче, не расходясь пока по лесу, ожидая рассвета и «здорового гриба».

Иван Никифорович мрачнел, «тихая охота» оказалась на редкость неплодотворной, снег-то сошел, но, видимо, его было много – и весенние ручейки образовывали целые озера, затапливая знакомые ему грибные места, на которые он так рассчитывал.

Шли они уже второй час, солнце медленно, но поднималось, начинали петь птицы, дятел стучал. Решили сделать привал, позавтракать бутербродами да установить на сухом пригорке бадейку – на толстом суке березы – для того чтобы соку набрать да и прихватить его на обратном пути. Места эти Силкины знали, не только по весне сюда ездили, но и до самой поздней осени – до морозоустойчивых последних груздей да боровиков, заблудиться не боялись, выходить будут точно через этот березовой перелесок, так что бадейка их с соком – не затеряется.

Мария Александровна достала термос с горячим, душистым чаем, заваренным с травами и сухими ягодами. Зоя из своего рюкзака вынула несколько пирожков, готовить которые она была мастерица:

– Вчера как с вами созвонилась, быстренько замесила да испекла с чем бог послал.

Иван Никифорович стряпню невестки любил, потянулся к пирожкам и тут же спросил:

– И с чем на этот раз бог послал пирожки?

– С капустой.

Отдохнули, чаю горячего попили и со свежими силами двинулись дальше. Иван Никифорович скомандовал:

– Давайте, бабоньки, левее забирать, там посуше, кажется. Правда, там раньше военная часть была, охранялось все, я потому не очень хорошо те места знаю. Но сейчас все заброшено, ограду аж снесли, пустота – ходи не хочу. Может, и нам в кои веки общий бардак на руку придется.

Что-то нехорошее первой почувствовала Зося. Со свойственной ей брезгливостью и маниакальной страстью к чистоте и порядку неприятный запах первой уловила именно она.

– Эй! Иван Никифорович! – окликнула она свекра. – У дороги собирать не разрешил, говоришь, свинец там и прочая тяжелая химия. А тут что, экологически чистая поляна, что ли? Явно свалка какая-то поблизости, вот амбре-то пышет, не чуеть?

Тут и Силкины, приняхавшись, поняли, что Зося права.

Поднявшись на пригорок, они не увидели никакой свалки или помойки, хотя были готовы именно к такому зрелищу. Нет, перед ними открылась совсем иная картина.

Под пригорком расстился обширный луг – с редкими деревьями и кустарником, по краям этого луга Силкин и хотел «пошукать грибов». Посредине луга расположились несколько заброшенных зданий, не жилых, а скорее служебных, – видимо, остатки военного хозяйства.

Один из ангаров, похоже, и был источником дурного запаха. Пахло гнилью и химикатами, причем дело было не в том, что ветер относил вонь в их сторону, запах был довольно сильным.

– Странные дела творятся, – озадаченно заметил Иван Никифорович и направился к ангару. Женщины поспешили за ним.

Позади здания они действительно обнаружили некоторое подобие свалки, но там ничего не гнило и не горело – в кучу были свалены использованные коробки из-под лекарственных препаратов, битое стекло ампул. Подозрительный запах исходил из самого ангара. Силкин несколько раз обошел его, но не обнаружил ни одного окна, а металлическая дверь была заперта. Он постучал, но ответа не дождался. Иван Никифорович снова отправился к куче аптечной тары и стал ее внимательно изучать.

Жена с невесткой подошли к нему.

– Похоже, тут старые лекарства уничтожают? – неуверенно спросила Мария Александровна.

Супруг ее хмыкнул:

– Их должны сжигать в специальных установках или как-то иначе перерабатывать, а тут вроде бы складировать – с непонятными целями, а может, и производят химию какую-нибудь.

– Как это! Тут производят что-то?! – изумилась аккуратистка Зося.

В это время они заметили, что с другой стороны поля по направлению к ангару едет машина типа «рафик».

– Давайте-ка спрячемся, бабоньки, да поглядим, кто приедет, – скомандовал Силкин.

Они отошли к краю леса и стали наблюдать. Машина подъехала к дверям ангара, водитель вышел и постучал условным стуком в дверь, громко так постучал, по-хозяйски. Дверь ему открыл заспанный молдаванин, после этого из машины вышли две женщины и один мужчина восточной наружности, зашли в ангар, и дверь за ними захлопнулась. Водитель даже не стал гасить мотор, сел обратно за руль, развернулся да уехал.

– Надо же! Женщины там, вроде опасаться нечего, пойдем скажем, что заблудились, или воды попросим, может быть, и пустят внутрь. Поглядим, что за дела.

Так и сделали – подошли и постучали. Двери им долго не открывали, наконец, на пороге показался молдаванин. Игорь с вечной сигаретой во рту, при помощи которой он спасался от «производственных ароматов», спросил меланхолично, но довольно грубо:

– Чего понадобилось, старички?!

Силкина аж пошатнуло, когда он ощутил дыхание ангара. Водички в таком месте просить явно не хотелось. Темный и грязный ангар, бутылки с химикалиями, обычные алюминиевые столы, на которых приехавшие женщины, надев респираторы, переливали какую-то мутную жидкость по маленьким бутылочкам и ловко запечатывали их крышечками. Оттолкнув Игоря, к новоприбывшим вышел Ибрагим, не сказал ничего, но смотрел вопросительно.

Иван Никифорович начал мямлить про то, как они пошли за грибами, да заблудились, вот хотели дорогу спросить – далеко ли до города.

– До какого тебе города надо? – переспросил Ибрагим.

– Да вроде к Серпухову выбираемся.

– Не знаю, я неместный, – ответил Ибрагим и хотел захлопнуть дверь, но Силкины уже успели зайти, и Мария Александровна обратилась к Зухре:

– Голубушка, не нальешь нам воды в бутылку, а то по лесу с утра раннего блуждаем, хоть и сыро сегодня, но пить захотелось.

А Зося, пытаясь сыграть в детектива, как-то ненатурально ойкнула и подошла поближе к рабочим столам:

– Ой! А что вы тут переливаете? Химикаты какие-то. Отрава небось крысиная.

Зухра испуганно молчала, поглядывая на Ибрагима, а Анна Ивановна неожиданно разговорилась, обидевшись:

– Почему же химикаты? Лекарства делаем, добавки витаминные.

– Как интересно! А как называются лекарства? – таким же ненатуральным тонким голоском продолжала выпрашивать Зося.

Но Анна Ивановна, поймав злобный взгляд Ибрагима, замолчала, поняла, что брякнула лишнего.

Зухра молча приняла у Силкиной пустую пластиковую бутылку, которая у нее была припасена, чтобы набрать воды из родника, до которого они пока не дошли. Прошла в глубь ангара, плеснула воды из старого чайника, отдала Марии Александровне и вернулась на свое рабочее место.

Все остальные молчали, ожидая, когда непрошенные гости уберутся.

– Так не подскажите, Серпухов в какую сторону? – снова спросил Иван Никифорович.

Анна Ивановна молча махнула рукой – в ту сторону, откуда они и пришли.

Силкиным ничего не оставалось делать, как попрощаться да уйти.

Как только за ними закрылись двери и Игорь запер их на засов, Ибрагим повернулся к женщинам с таким лицом, что они замерли. Зухра залепетала что-то не по-русски, Анна Ивановна просто опустила глаза. Ибрагим махнул рукой и пошел в глубь ангара, там достал телефон и начал звонить начальству – очень ему эти грибники не понравились, а хозяева велели быть бдительными.

Бабы еще эти чертовы растрепались.

3

На крыше особняка, стилизованного под старинный мавританский стиль – с башенками по углам, была оборудована летняя веранда. Впрочем, летней ее бы назвал только человек непросвещенный, уставший от долгой российской зимы, не представляющий, что есть такие страны, где солнечных дней в году не менее трехсот, а средняя температура не падает ниже восемнадцати градусов.

Так что эту веранду на крыше дома вполне можно было бы назвать круглогодичной. Посредине был установлен небольшой (метров пять на десять всего лишь) бассейн с морской водой. Вокруг него расположились пальмы в кадках, белоснежные шезлонги, столики из легкого светлого дерева и обширный бар с холодильником.

Фонари для вечернего и ночного освещения в данный момент не работали, и вокруг одного из них – как вокруг пилона – упражнялась в искусстве стриптиза одна из подружек Германа Тоцкого, миниатюрная брюнетка.

Сам Герман полулежал в шезлонге, полуприкрыв глаза. Рука его покоилась на обнаженном упругом бюсте другой подружки, которая примостилась рядом. Пальцы лениво мяти женскую грудь. Так же неспешно в буйной его голове ворочались мысли, не особенно приятные, надо сказать.

Его беспокоил московский звонок. Что это дражайшая мамочка решила побеспокоить его ни свет ни заря? Уж не отчета ли хочет потребовать? С нее станется – всю жизнь шагу спокойно ступить не дает. Как под колпаком у Мюллера...

Он вспомнил свое непростое детство. И не менее сложное отрочество. Достала его родная мамашка: когда он еще в песочнице ковырялся по воскресеньям – она у окна неотлучно была. Каждое его движение ловила.

А что поймать не могла – додумывала. Ему же оставалось только подчиняться, а когда не хотелось – то изворачиваться и лгать. Ведь и врать-то для родительского успокоения его сама мать же и принудила...

Германа аж передернуло, когда он вспомнил, как когда-то, лет в двенадцать, был вынужден признаться в том, чего не совершал: в краже старинного кольца из бабушкиного комода. Тогда драгоценность исчезла, а спустя три дня после обнаружения пропажи появилась вновь. Старший троюродный братец Вадька – говнюк – убедительно разыгрывал искренность, и его не заподозрили. Но зато Геру лишили сладкого, запретили гулять, каждые полчаса спрашивали, не решил ли он признаться. Говорили, что ничего не будет – скажи только, что это ты. Он понял, что ему так будет легче...

Так и вышло. Оговорил он себя: кольцо продать якобы хотел. Чтобы мороженого купить побольше. Да не вышло, мол.

Его, когда он наконец «сознался», нежно целовали и неделю кормили мороженым...

И доселе с тех самых пор вся его жизнь – особенно после того как папаша от такой же назойливой опеки удрал куда глаза глядят – будто бы в песочнице под окном. И приятели школьные были рентгеном просвечены, и девчонки все изучены и отвергнуты. Даже в ванную он дверь никогда не запирает, чтобы мамочка всегда проконтролировать могла – не занимается ли он непотребством каким.

Он ухмыльнулся, не открывая глаз. Знала бы она, чем занимается ее любимый сынок на испанском побережье! А кто виноват, что ее уши все в лапше? Сама же и виновата.

Да, впрочем, если и узнает – невелика печаль. Она, несмотря на всю стервозность, его по-своему любит. В этом он был убежден. Значит, простит. Хотя шуму будет...

Только надо подольше оттягивать их «приятную» встречу. Эх, век бы не встречаться...

Остальная компания, расположившись в шезлонгах под щедрым южным солнцем, отхлебывая сложносочиненные коктейли, лениво наблюдала за действием вокруг фонаря.

Стриптиз не особо занимал мысли и чувства молодых людей, и правда, кого тут удивишь голыми сиськами, все и так были топлес.

– Ритка, ты бы, что ли, музыку какую включила, позабойнее, а то тоска на тебя глядеть, – буркнул мрачный тип, мешающий коктейли у барной стойки, украшая их всевозможными зонтиками, листиками и вишенками.

Нравилось ему это дело – возиться с алкоголем, впрочем, по его испитому лицу это было заметно.

– Да я не для вас стараюсь! – огрызнулась Рита. – Не нравится – не смотри! Мы тут с фонариком сами развлекаемся.

Она начала карабкаться на фонарный столб, обхватив его босыми ногами, и отправлять воздушные поцелуи неблагодарной публике. Труссы с нее сползли, и все вдруг дружно заржали, ничего эротичного в доморощенном стриптизе не наблюдалось, скорее это было похоже на цирковое представление, а сама Рита, шоколадно-загорелая, напоминала дрессированную обезьянку, забирающуюся под самый купол цирка.

– Надоело ваше шапито! – заявила вдруг блондинка, загоравшая рядом с Германом. – И пошло ваше слабоалкогольное надоело!

Она зашвырнула бокал с остатками коктейля с крыши в сад, в гущу цветущих миндальных деревьев.

– Остренького хочется, Маруська? – осклабился Анатолий, исполняющий роль бармена. – Ну иди ко мне, для тебя тут найдется кое-что интересное.

На стойке бара появилась спиртовка. Анатолий зажег огонь и начал медленно прокалывать над ним серебряную ложечку с белым порошком.

Герман неожиданно ловко вскочил, подбежал к стойке бара и жадно заявил:

– Я первый в очереди!

– Уйдите, мужчина, вас тут не стояло, – попыталась пошутить Маруся, но Герман отпихнул ее всерьез и потянулся к шприцу.

– Тебя Герой в честь героя назвали? – раздался ленивый голос с дальнего угла веранды.

Обладатель этого голоса – изможденный, худой юноша – также направился к бару:

– И на меня, Толян, разбавь!

– Бавать водку с пивом будешь, – буркнул Анатолий, – а тут искусство тонкое.

Рита, раскачивающаяся на самой верхушке фонарного столба, оскорбленная тем, что на нее никто не обращает внимания, дико заверещала: «банзай!» – и прыгнула в самую середину бассейна, обдав всю компанию солеными брызгами.

– Сумасшедшая... – процедил взбешенный Герман, отряхиваясь. – Дозы на сегодня она лишается.

– Вот такие дела, Елисей! – вздохнул Иван Никифорович, рассказав своему давнему приятелю историю про то, как он обнаружил в лесу подозрительный ангар, и повторил: – Такие дела...

Утром с женщинами, выйдя из ангара, Силкин отправился напрямик к железной дороге, не задерживаясь более на поиски грибов, не захватив даже бадейку, оставленную под сок, – много ли сока там успело капать, ерунда одна, а химикаты в бывшем военном ангаре требовали немедленного возвращения в город.

Дома, успев только скинуть сапоги да походную куртку, даже чаю не попив, Иван Никифорович быстренько облачился в городское и отправился к Голобродскому. Елисей Тимофеевич человек авторитетный, заслуженный и Силкина знает хорошо, поверит, что тот попусту молоть не будет и что ему не померещилось. К кому же идти, как не к нему? В ближайшее

отделение милиции? Да кто там внимание обратит на жалобы пенсионера? Только и спросят, зачем старик по военным ангарам шарил, кто его туда пустил, да еще и пристыдят, скажут: сам воевал, а что такое «военная тайна», уже с возрастом и запамятовал. Посмеются над ним только да выгонят. А дело серьезное, по всему видно. Елисея наверняка должно заинтересовать.

Уже несколько лет Елисей Тимофеевич возглавлял Московский городской общественный комитет защиты прав пенсионеров в социальной сфере. О деятельности этого комитета Иван Никифорович знал не понаслышке, в прошлом году помог ему Голобродский, и помог сильно.

Еще до скандального закона о монетизации льгот пенсионеру и ветерану Силкину начали приходить счета за квартиру и коммунальные услуги, где полагающиеся ему льготы не учитывались. Помимо этого приходили счета и на его сына Александра, который, будучи военнослужащим (и девять месяцев в году проводивший буквально «в море»), был освобожден по закону от коммунальных платежей.

Все попытки выяснить проблему в местном ЖЭКе или отделении Сбербанка, где принимались платежи, ни к какому результату не привели – от Ивана Никифоровича попросту отмахивались: «Иди, мол, старик, мы такими вопросами не занимаемся, тебе счет пришел, значит, ты должен оплатить». Формуляр документа не позволял вычеркнуть ту или иную строку – исправленный счет не принимался вовсе к оплате. Супруга Ивана Никифоровича была обеспокоена угрожающими им пенями – в случае, если они вовсе откажутся платить по счетам. Правды было не добиться, старики понимали, что отдают лишние деньги, которые им были вовсе не лишними.

Терпению пришел конец, когда в их доме с электрическими плитами и с центральным отоплением вдруг начали приходить счета за использование газа, которым тут никто никогда не пользовался. Причем, как выяснилось, счет на оплату коммунальных услуг со строкой «газ» пришел не только Силкиным, но и другим жителям их дома. Казалось бы, копейки... Обеспеченным людям скандалить и заниматься бумажной волокитой не хотелось – проще было заплатить.

Вот тогда Силкин и обратился к Голобродскому, просто по-товарищески посетовал на ситуацию. Елисей Тимофеевич, возмущенный таким мошенничеством (под прикрытием явной небрежности или халатности), взялся за это дело, дошел до самого верха, привлек внимание прессы – и вопрос действительно был решен.

Конечно, когда с начала 2005 года был принят закон о монетизации льгот, все эти старания оказались напрасны. Теперь все счета приходилось оплачивать полностью, утешало хотя бы то, что не приходилось платить лишнего.

Но самыми болезненными вопросами для пенсионеров, лишенных прежних льгот, были даже не коммунальные платежи и не проезд в городском транспорте (который в итоге московский мэр решил компенсировать), а проблемы, связанные со здоровьем. Действительно, за всю свою долгую трудовую жизнь во благо страны, которой были отданы все силы, лучшие годы и здоровье, нынешние пенсионеры, как оказалось, не заработали себе даже на нормальное медицинское обслуживание. Невозможно было ни найти дешевые «списочные» жизненно важные лекарства, ни оплатить зарубежные аналоги, за которые в аптеках драли втридорога. А откуда у стариков такие деньги?

Это еще вчера они были заслуженными льготниками, теперь же отношение страны к ним стало другим – теперь они сами ощущали себя «халявщиками». И даже просить то, что тебе полагалось по закону, было вроде бы стыдно – так лихо поставили дело медицинские чиновники.

Знакомый с творящимися безобразиями с распределением льготных лекарственных средств не понаслышке, вместе с группой активных пенсионеров полковник в отставке, орденоносец Голобродский, начитавшись постановлений правительства и внимательно изучив закон

Госдумы под номером 122, решил навести порядок в фармацевтической системе Москвы и Подмосковья.

Начальника аптечного главка Афанасия Леонидовича Пахомова и Анастасию Тоцкую связывали чувства куда более прочные, чем любовь. Конечно, в свое время они весело покувыркались и в постели, но сегодня их намного сильнее объединяло общее увлечение, общий бизнес и общие взгляды на жизнь. Несколько лет назад судьба столкнула двоих этих энергичных деловых людей – случайно, как это и бывает, – но вышло так, что случайность эта была совершенно необходима для того, чтобы Пахомов и Тоцкая смогли нажиться на взаимовыгодной основе.

Пахомов имел неограниченную власть над столичными аптеками, заведующие трепетали перед ним и делали все, что он велел, лишь бы не лишиться теплого места и куска хлеба с маслом и икрой. Среди заведующих особой преданностью «большому боссу» отличались сорок бойцов фармацевтической армии – именно через подведомственные им аптеки Тоцкая и Пахомов с некоторых пор проворачивали крупные финансовые махинации. Автором идеи была, разумеется, женщина – с тех пор как Ева предложила Адаму отведать запретного яблочка, ее дочери никак не унимаются и придумывают все новые и новые «плоды», которые неплохо было бы сорвать. Феминизм и научно-технический прогресс позволяют современным Евам обходиться без научного консультанта вроде змея.

– Афанасий Леонидович, я тут узнала, сколько лекарств списывается только из-за того, что истек их срок хранения, и пришла в ужас! Тот самый кризис перепроизводства, которым нас всех пугали, похоже, наступил! – начала она издалека.

– Ну а что вы хотите? Мне это больше нравится, чем пустые аптечные полки, на которых, если внимательно присмотреться, можно найти пачку активированного угля, аскорбиновую кислоту и пузырек засохшего йода!

– Конечно, так гораздо лучше. Но ведь многие из этих лекарств могут храниться гораздо дольше – это я вам говорю как специалист! Просто сердце кровью обливается, когда представляешь, сколько живых денег уничтожается только из-за того, что каким-то бюрократам кажется, что лекарство превращается в яд через день после истечения какого-то из пальца высосанного промежутка времени!

– Вы это говорите, чтобы меня разжалобить, или у вас есть кое-какие идеи? Судя по опыту предыдущего общения, осмелюсь на секундочку предположить, что второй вариант вернее, – усмехнулся Пахомов.

– О, вы, как всегда, правы! – с улыбкой кивнула Тоцкая. – Я хочу предложить вам небольшую комбинацию...

«Комбинация» заключалась в том, что преданные Пахомову заведующие аптеками списывали просроченные лекарства, составляя акты и прочие документы по всем законам науки бюрократии – не придерешься! Не было других таких ревностных исполнителей инструкций Минздрава – если уж кто и нарушал их, навлекая на себя гнев проверяющих структур, так то были абсолютно честные, но слегка невнимательные люди. Списанные по всем правилам лекарства передавались на уничтожение фирме Анастасии Тоцкой «Параллакс». Вернее, так значилось в идеально заполненных бумагах. На самом же деле просроченные лекарства оставались преспокойно лежать на аптечных прилавках и продавались наравне с остальными.

Впрочем, «бизнесмены» быстро смекнули, что это довольно рискованно: до первой же серьезной проверки. И придумали новую – беспроектную – схему. Лекарства теперь действительно свозились «на уничтожение» в «Параллакс». Но вместо утилизации они переупаковывались в тару с новым сроком годности. И снова поступали в аптеки – уже по цене новых медикаментов.

Деньги, полученные таким элегантным способом, распределялись между поделщиками Пахомова и Тоцкой. Небольшое дельце, которое они затеяли несколько лет назад, кормило уже не только их. Круг расширялся, к нему стали причастны многие сильные мира сего. А нежно любимый сын Тоцкой Герман, скупающий виллы на побережье Испании, был их казначеем, перед которым стояла задача легализовать общие доходы.

Сегодня Анастасия мчалась на встречу с Пахомовым не только для того, чтобы проверить общую бухгалтерию и обсудить дальнейшие планы по совместной работе. Кроме этого, старые знакомые сообщили ей, что фирме «Параллакс» грозит государственная инспекция. Такое уже бывало неоднократно, но всякий раз высокопоставленный покровитель помогал Тоцкой справиться с проблемами. Надеялась на него она и в этот раз.

Но было что-то еще, что заставляло Анастасию увеличивать скорость там, где это было возможно, и нервно барабанить пальцами по рулю, если впереди намечалась пробка. Каким-то неуловимым образом голос Афанасия Леонидовича изменился. Она несколько раз прокрутила в голове их самый последний телефонный разговор. Даже если принять во внимание тот факт, что у начальника аптечного главка помимо сотрудничества с нею существуют еще какие-то мелкие делишки, именуемые «государственной службой», он все равно не должен был разговаривать с нею так резко.

«Только попробуй сказать мне, что наворовал уже достаточно для того, чтобы стать честным человеком и жить на одну зарплату! – думала она, стоя в многочисленных пробках. – Я тебе организую такую честную жизнь, что закачаешься! Все-таки все мужики – тряпки, и этот парень не исключение!»

Мысли о мужиках-тряпках напомнили Тоцкой о ее собственном сыне. Вот уж кто был типичным представителем этого малопочтенного вида, населяющего нашу прекрасную Землю. Почему-то, вместо того чтобы стать решительным и смелым мужчиной, какие нравились Анастасии, собственный отпрыск, давно выросший из коротких штанишек, до недавних пор сидел на маминой шее и, похоже, так никогда бы и не слез с нее, если бы Настя сама не поручила ему ответственное дело на Пиренеях. А ведь, казалось, она все для него делала: собственным примером показывала, как надо жить, как работать, как принимать решения.

Даже когда они жили бедно, она выкручивалась как-то, всегда находила возможность обеспечить их небольшую семью. Рисковала, конечно, но не для себя же. Жила-то сама, во многом себе отказывая, почти впроголодь, но Герочка зато ни в чем не нуждался. Все у него было, все желания сына она старалась предвосхитить...

Правда, «слегка разбогатев», Анастасия Тоцкая немедленно завела себе автомобиль с личным шофером. Несмотря на всю свою разумность и расчетливость, не удержалась – наняла водителя-негра. Поездив с ним год, поняла, что лишние свидетели ей не нужны – с такой-то работой. Купила права, сменила подержанный, но вызывающий «линкольн-континенталь» на последнюю модель скромной, но оснащенной всеми возможными опциями «Хонды-цивик» – и разъезжает теперь по городу в собственном авто цвета «пьяная вишня», не привлекая лишние любопытные взгляды.

Афанасий Пахомов велел секретарше отвечать на звонки в том смысле, что шеф вышел, будет позднее, просил также провести к нему Тоцкую, как только она появится, а сам удалился в комнату отдыха, имевшуюся при его кабинете.

Такие комнаты есть в кабинетах многих чиновников и «больших боссов». За незаметной, не отличимой от обоев или замаскированной элементами декора дверью, может находиться все, что угодно, хоть коридор в другой мир!

Начальник аптечного главка выбрал скромный, но элегантный вариант: крошечный бассейн два на два метра, скорее напоминающий огромную ванну, бар с напитками вдоль всей

стены, мягкий диван и кресла. Для начала ему требовалось как следует выпить. Пробежавшись глазами по рядам этикеток, он выбрал бразильскую кашасу, налил в бокал и выпил одним махом. Тучи на его личном горизонте немного разошлись, мысли стали яснее. Пахомов выпил еще – для закрепления результата. Потом аккуратно снял костюм, повесил его на плечики, переоделся в удобный спортивный костюм фирмы «Пума» – не такой, какие продают на рынках, а подлинный, настоящий, разумеется, – и лег на диван. Так его и застала Анастасия.

Она вошла в кабинет «аптечного бога» в сопровождении секретарши, тут же покинувшей помещение.

Кабинет был пуст. Тоцкая недоуменно огляделась по сторонам. «Если он ждет меня, по словам этой барышни, то почему не встречает? Она не говорила, что шеф куда-то вышел, – задумалась подозрительная Анастасия. – Если учесть его странный голос – выходит неприятная картина...»

Анастасия подобралась, как пантера перед прыжком, огляделась по сторонам – и тут только заметила дверцу, ведущую в «личный рай» Афанасия Леонидовича...

– Ну просто идилия! – поморщилась она, пройдя к бару. Двумя пальцами Тоцкая приподняла бокал и поднесла его к носу. – Вот почему тебя так часто невозможно застать на месте!

Пахомов суетливо заворочался на диване, вскочил, пригладил волосы.

– Ни минуты покоя, – смущенно пояснил он, – с утра до ночи донимают. Тут еще и дочку пора пристраивать на учебу, а она капризничает, в Англию не хочет, требует Швейцарию! Говорит – либо так, либо уеду в Китай и вступлю в коммунистическую партию!

– Сколько лет дочке?

– Пятнадцать. Может, посоветуешь что?

– Отправь ее на год в Китай, – сказала Тоцкая, – и денег выдели по минимуму, только чтоб с голода не умерла, а там уже она сама к тебе прибежит и согласится в Англии учиться. Заодно взрослой жизни хлебнет.

– Твои родители, наверное, поступили в свое время именно так, – усмехнулся Пахомов. – Да, если бы ей предстояло начинать с нуля, я не задумываясь это бы и сделал. Но ей, слава богу, достанется по наследству немалый капитал, и я бы хотел, чтобы она получила достойное образование и не разбазарила его на китайских коммунистов. Вот ведь придумает тоже!

– Это она, наверное, в Интернете вычитала, – понимающе кивнула Тоцкая. – Там сплошные террористы и психически неуравновешенные подростки.

– А как твой там поживает в Испании? Коммунистом не заделался?

– Не волнуйся за него. Он уже большой мальчик. И он там не отдыхает, а занимается нашими делами. Лучше давай поговорим о них и побеседуем.

– Отличная идея! Приляжем в бассейн на секундочку или выпьем чего-нибудь?

– А, это у тебя такой бассейн? – насмешливо сказала Тоцкая. – А я думала – купил джакузи, но денег на техническое усовершенствование не хватило.

– Да я ведь скромный государственный чиновник, – подыграл ей Пахомов, – я же бедный! У потребительской корзины дно не прикрыто, какое уж там джакузи!

– Ну ладно, ладно, – одернула его Тоцкая, – не все у нас так весело, чтобы шутить.

– Что, и у тебя проблемы?

– Как обычно, дорогой, как обычно. Грядет традиционная ревизия, которая, если ты, конечно, не вмешаешься, грозит мне крупными неприятностями. Ну и тебе, разумеется, тоже.

– Сколько раз я тебе говорил, что ревизия для нас с тобой – это вообще не проблема! Да я ее одним пальцем улажу! Будь добра, подай мне телефон со стола.

Тоцкая процокала каблуками к рабочему столу Пахомова, взяла телефонную трубку и вернулась к своему компаньону, уютно устроившемуся в кресле и, видимо, решившему провести в нем остаток дня.

– Сиди, сиди, – насмешливо сказала Тоцкая, подавая ему телефон, – вон какой живот отрастил!

– Если бы ты знала, сколько долларов вложено в это прекрасное тело! – похлопал себя по пузу Пахомов и набрал какой-то четырехзначный, видимо местный, номер. – Алло! Сергей Олегович, это Пахомов. Узнали? Хорошо. Я тут слышал, что ваш департамент собирается проверить одну мою хорошую знакомую. Нашу с вами общую знакомую. Да, фирма называется «Параллакс», все верно. Ничего подобного? Ну вот и я ей сказал, что она, наверное, ошибается. Да, я помню – завтра в семь в «Кузьмиче», буду обязательно!

Тоцкая напряженно вслушивалась в переговоры.

– Вот и все, подруга, – успокоил ей покровитель. – Проверки не будет.

– Очень хорошо. Тогда давай обсудим текущие вопросы.

– Текущие пусть текут! – неуклюже скаламбурил Пахомов. – Обсудим их в рабочем порядке. Ты лучше вот на какой вопрос мне ответь: помимо наших проверок тебе ни о чем не сообщали? Ну, скажем, подозрительные личности вокруг твоих объектов шныряют или что-то типа того?

– Насколько подозрительные? Бомжей считать?

– А что за бомжи? – уточнил Пахомов.

– Ну, бомжи обычные. Сам понимаешь, паспортов при них не было. Ибрагим, мой представитель в Серпуховском филиале, – Тоцкая усмехнулась, вспомнив обшарпанный ангар, который она походя произвела в «филиалы», – рассказывал, что нашел двоих бомжей. Его молдаване совсем очумели и выкинули на улицу пакет с мусором – вместо того чтобы дождаться машины! Дескать, воняло очень, мешало работать. Ну Ибрагим с ними уже поговорил, такого больше не повторится, но мусор нашли два бомжа. Разворотили мешок, вытащили из него всю эту гадость, что уж там у них было, я не знаю, сожрали – и двинули кони!

– И что? Приходила комиссия разбираться? – встревожился Пахомов.

– Да какая комиссия, ты что! Ну бомжи же! Замерзли в сугробе, обычное дело ведь! – усмехнулась Тоцкая. – Вот такая подозрительная история.

– И больше ничего?

– Больше ничего. – Анастасия то ли нарочно позабыла о визите грибников-пенсионеров, то ли не придавала этому инциденту вовсе никакого значения, хотя Ибрагим ей сообщал. Но все ведь живы-здоровы, да и вряд ли старики поняли, в чем там было дело. На всякий случай приняли решение производство временно свернуть, ангар заколотить, а сотрудников отправить в отпуск – на пару недель. Если кто сейчас и сунется – то на месте все тихо и чисто.

– А у меня, уважаемая, – ты только сразу не пугайся – несколько другая информация, – вкрадчивым голосом сказал Пахомов.

– Что значит – не пугайся? Ты мне угрожаешь?

– Что ты, зачем? Мы же в одной лодке. Тонуть при случае будем вместе. А информация действительно не слишком утешительная. До меня дошли сведения о том, что некий старичок-боровичок, бойкий пенсионер, от безделья создал «народную комиссию», ты подумай, выискался на нашу голову народный комиссар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.